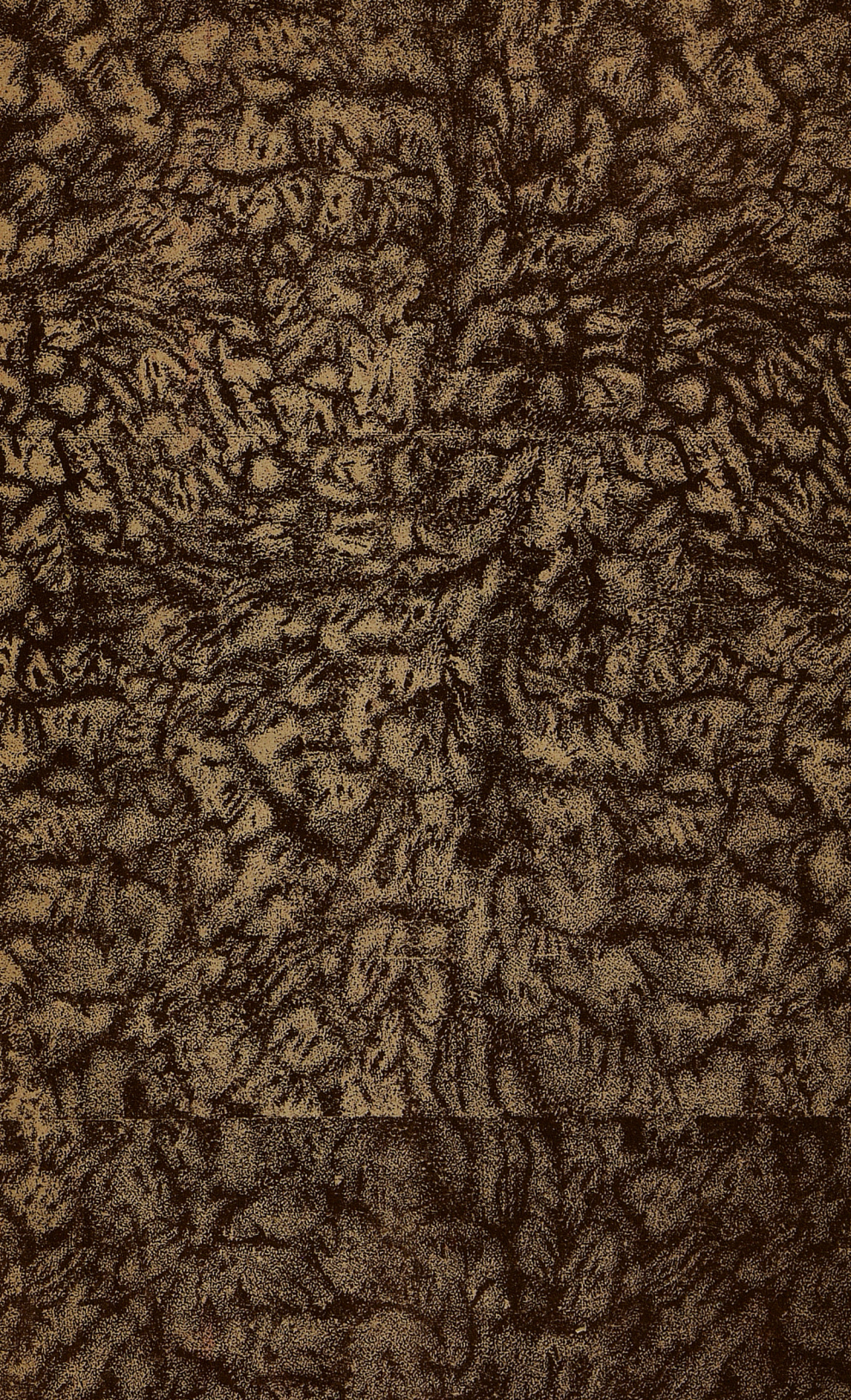
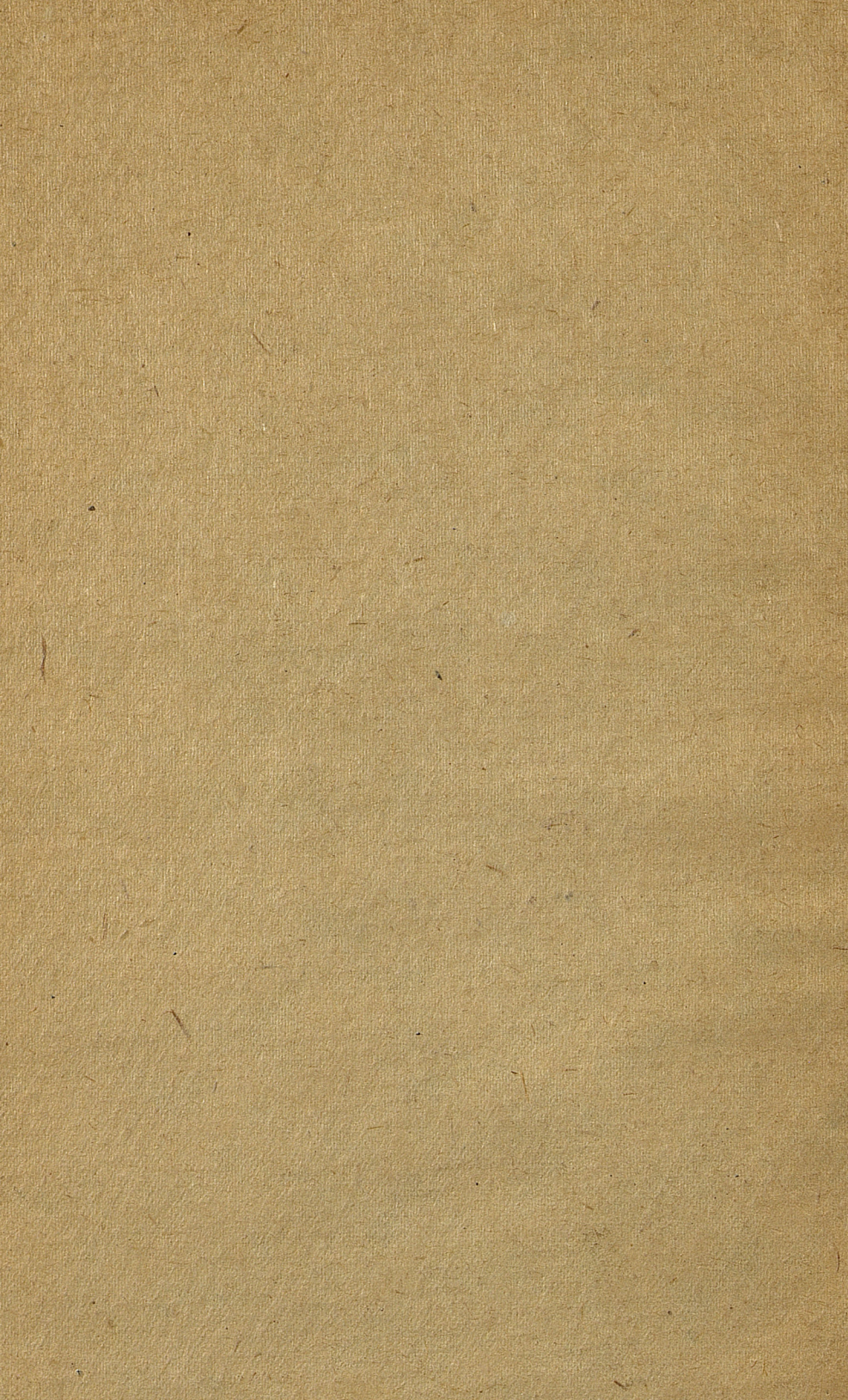

U $\frac{24}{705}$.

М. В. Добнаръ-Запольскій.

БАРКУЛАВОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владимира Аец. Общ.
Н. Т. Корчаеъ-Новицкаго, Меринговская, 6.

1908.

W. J. ...

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CHICAGO

1881

1881

UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

705
М. В. Добнаръ-Запольскій.

ВАРКУЛАБОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

К І Е В Ъ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акц. Общ.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, 6.

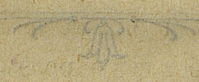
1908.

М. В. Родняковъ Ярославскій

1891

ЯРОСЛАВСКАЯ АКАДЕМИЯ

Печатано по опредѣленію Правленія Университета Св. Владиміра.
Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій.

І.

Баркулабовская лѣтопись¹⁾.

Сеймъ великій былъ у Берести лета Бож. нарож. 1545, на которомъ сейме былъ король его милость полскій великій князь литовскій Жикгимонтъ Казимеровичъ з королевою Бонею и с королевнами. А при его милости сынъ его милости господарь нашъ другій кроль полскій Жикгимонтъ Августъ ис королевою своею Алжбетю, дочкою короля ческаго и римскаго Фирдынанда. При которыхъ на сейме при ихъ милости обохъ королехъ много было бискуповъ, пановъ радъ, панове рада великаго князства, панята и вся шляхта хоруговная, и вси рыцества всихъ земель и княжства Литовскаго, такъ было множество людей на томъ сейму, ижъ на обе стороне около Берестя на коленадцать миль стояли. А при ихъ милостяхъ обохъ королехъ на томъ сейме Берестейскомъ много было пословъ, яко отъ христьянскихъ господарей, также и отъ бесурменскихъ, а былъ тотъ сеймъ у Берести такъ много—отъ святого Петра и Павла ажъ до святого Архангела (л. 137) Михаила. С того сейму Берестейскаго его милость господарь нашъ кроль Жикгимонтъ Августъ

¹⁾ Баркулабовская лѣтопись была впервые издана Кулишемъ въ его „Матеріалахъ для исторіи воссоединенія Руси“, т. I, М. 1877 г., но здѣсь она напечатана не исправно. Въ виду не исправности этого изданія и того, что „Матеріалы“ Кулиша сдѣлались библиографическою рѣдкостью, мы рѣшились вновь ее издать по списку Синодальной Библиотеки (№ 790). Подробности о рукописи и самой лѣтописи сообщаются въ особой статьѣ, которая составляетъ введеніе къ тексту.

изъ королевою Алжбетою поехали до Вилни и взявъ его милость у свою справу все великое Литовское панство, Руское и Жомоипское отца его милости Жикгимонтъ Старый король. Того ж сейму Берестейского, на которомъ сейме ихъ милость кралева обадва были, князь Семень Глебовичъ Пронский принялъ веру римскую, а названъ Фридрихомъ; на тотъ часъ дано ему воеводство Киевское.

Могилевъ.

За господаря кроля Жикгимонта, за митрополита Иону, за владыку полоцкаго пана Хребтовича, за держанемъ пана Стафия Воловича, за старосту его пана Баркулаба Корсака, а панъ Иванъ Черный былъ городничимъ, [а] место Могилевъ засели люди прихожие на Леткове, к Печерску идучи, то вотчичи—Сухочъ, Бутаць Андросовичъ, около места прихожие люди селяне с Княжичъ, з Головчина, з сель многихъ; которые сели за Дубровною, то Буйничане и Голынчане селяне, также и з Радивонковичъ. Бо первой было село Радивонковичи, а потомъ Буйничичи—старые села давние; а которые сели на слободе на Гривце на берегу около Кошовяго, коло Десятинья, продки ихъ з Смоленска пришлые Смоляне, то ест Гаврило Дристунъ, Иванъ Беляй, Максимъ и иныхъ много, также Овтушко Богатый,—тые вси з Смоленска пришли. Лет. 1526 болший замокъ заробленъ и принято много горы Могилы, на которой теперя замокъ Могилевъ (л. 138) стоитъ по на горце Могиле, названъ Могилевъ. Почавши од Днепра, идучи подле Дубровны ажъ и за Печерское на гетой стороне кгрунты, то все Буйницкое было, а Буйничичи село княженъе можное держало: князь Крошинский, князь Мосалскій, панъ Баркулабъ, панъ Солтанъ, панъ Филонъ и иныхъ пановъ (много).

Полтескъ.

На запусы великие мясные князь Иванъ Василевичъ Московский, царь восточный, градъ славный великий Полоцкокъ взялъ под кролемъ Августомъ року 1562.

Барколабовъ.

По взяти Полоцкомъ за господаря короля Августа, за митрополита Девочку, за владыку полоцкаго Варсанофия Волоха, за ласкою господаря кроля, за великие и почтивые послуги, за сильное

горловане, за нелютованіе здоровья, и нежаловане маетности у справе рыцерской военной его милости пана Баркулаба Ивановича Корсака, ротмистра и старосту дисенского, на лесе глухомъ, на грунте лесномъ, на врочищу, прозываемомъ Брусь, закликавши на волю и давши слободы год дванадцать людемъ прихожимъ за волею Божіею и за благословенствомъ людей духовныхъ заложилъ замокъ именемъ своимъ Баркулабовъ року 1564.

Такъже соорудилъ храмъ Святаго Духа а другой престоль Рожство Господа нашего Исуса Христа и посветилъ его року 1568. За владыку Варсонофія, за митрополита Иону, року 1568, за кроля Августа, за пана Баркулаба и за вридника его (л. 138 об.) Раковскаго села Вендорожъ, Куты, Ловечы, Будища людами прихожими засадили, а потомъ в томъ же Вендорожі року 1586 во великий постъ церковь святого Покрова сооружена и попу Вендорожскому его милость князь Богданъ Соломерецкий тую церковь отдалъ, бо тая была первой парафея Баркулабовская, парафея отца Алексея Гавриловича Мстиславца, отца Θεодора Филиповича Могилевца.

Року 1570 владыка полоцкий Варсонофій Волахъ переставился; у месте Могилеве поховано, албо погребено его через пана Филона у святого Спаса в Могилеве.

Того жъ року 1570 священника Куренскаго совершено на владычество Полоцкое именемъ Θεофана.

Року 1576 наехалъ, албо взято Стефана Батуру, княжа Семигродское, на кролевство Полское. Тотъ господарь король Стефанъ Батура, княжа Семигродское, праве былъ человекъ побожный, рыцерский, военный, щасливый, правдивый, правый. Того жъ року корону принялъ, а Гендривъ король с кролевства Полского утекъ до своее земли.

На початку от него новый календарь украдоватися почаль; прето немного лет и на свете мешкаль.

Панъ Баркулабъ Ивановичъ Корсакъ, староста дисенский и ротмистръ кролевский, войтъ дисенский, рыцер и военникъ добрый, славный, замокъ Дисну, замокъ Вороници, замокъ Леплю, замокъ Чашники—тые вси замки по взатию Полоцкомъ весполь с паномъ Романомъ Ходкевичомъ сами и з своимъ людомъ позакладали (л. 139) и места посажали людами добрыми. А потомъ року 1576 месеца августа 20 дня в понеделокъ у вечере дву годинъ в ночи панъ Баркулабъ переставился на старостве Дисенскомъ в замку Дисенке, а погребено честно тело его у месте Виленскомъ у церкви Святыя Богородицы.

Року 1578 месеца генваря 2 на Стретеніе Господне князь Янушь Чарторийский панну Евву Баркулабовну, дочку пана Баркулабову, в станъ малженский за себе взялъ. Того жь року 1578 на Святой недели у вовторокъ о полудни matka пана Баркулабова у Баркулабове переставилася пани Маря Кгитовтовна, городничая полоцкая, а поховано albo погребено тело ее милости у Могилеве Святаго Спаса у притворе.

Року 1579 господарь король Стефанъ Батура, кроль полский, княжа Семикгородское, под княземъ великимъ Московскимъ княземъ Иваномъ Василевичемъ Полтескъ замокъ взялъ с поляцами и литвою.

Москва Могилевъ выжгла в Петровъ постъ.

Року 1580, господарь кроль Стефанъ былъ подъ Псковомъ и взялъ городъ Псковъ, а Москва, то ест Серебряный, з немалымъ войскомъ, место славное Могилевъ выжогъ; там же у край Шкловъ, Копысу, села велми выпустошили, такъже и около Могилева. На Орши и до Радомли, Мстиславля тыхъ замковъ не подходила ани рушила; а в Баркулабове князь Чарторийский Иванъ з войскомъ своимъ на тотъ часъ былъ, так тежъ и Темрюкъ со тристами войска татарского при немъ былъ у Баркулабове (л. 139 об.), на тотъ часъ и сторожу у Новоселкахъ московскую поймали; а потомъ Темрюкъ и князь Чарторийский князь Иванъ, взявши ведомость певную от сторожи московское, которую поймали у Новоселкахъ, то ест на имя Ивана¹⁾, и князь Иванъ Чарторийский заехал от Шупень, дорогою великою Шкловскою до Могилева тянулъ, а Москва подъ местомъ Могилевомъ места жгутъ, а Темрюкъ з Баркулабова дорогою Могилевскою на Задубровеня до замку Могилева з войскомъ притянулъ, а войско литовское у Шклове стояло. Теперь же от Могилева почали отпирати с трехъ сторонъ: Чарторийский от Шупень, Темрюкъ з Баркулабова, войско литовское з Копыси, из Шклова, Москву от Могилева отперли, побили, отогнали. Страшно было трупу московского гледѣти, реку Днепръ сильнымъ трупомъ язовища загородили, ижъ колко недель днепровое рыбы не ядали и воды не пивали, для великого гньюсу трупу московского.

Року 1579, панъ Андрей Гудовский, урядникъ баркулабовский, собравши войско немалое пешаго и конного люду триста с паномъ

¹⁾ Въ книгѣ пробѣль.

Филономъ и з его милостью княземъ Богданомъ Соломерецкимъ, старостою кричевскимъ, а надо всеми тыми войсками люду учтивога яко шесть тисечей панъ Андрей Гудовский гетманомъ былъ; подъ Смоленскомъ и Рославлемъ такъ места выжгли волости, села попустошили; под замкомъ Смоленскимъ мощно и охотне штурмъ мели, толко (л. 140) не даль имъ Господь Богъ его достати, албо выняти; з ласки Божое з добычею великою до домовъ своихъ здоровы з доброю славою приехали.

Листъ от пословъ князя великого Московского.

Божею милостью царя и великого князя Ивана Василевича всея Руси, володимерского, московского, новгородского, казанского, царя витариханского (астраханскаго), господаря псковского, и великого князя смоленского, твердского, югорского, тримского, вядскаго, болгарскаго, и иныхъ многихъ—Стефану, Божиєю милостью, королю полскому и великому князю литовскому, рускому, прускому, жомоитскому, мазовецкому, княжати семиградскому. Што первой всего по взятию Полоцка зсылалися наши бояре с твоими паны по-неоднокрот, и ты о то намъ явно знати не даль, и писалъ еси во своихъ листехъ и паны твои заводнемъ и мудрыми речами писали и того было явне зрозумети нелзе; што по прожнемъ обычаю пословъ своихъ слати не хотели есте, и мы к тебе послали пословъ своихъ, а ты приказалъ к намъ нашимъ дворяниномъ Григориемъ Афанасовичомъ Нащокинымъ рокъ, а к тому року нашимъ посломъ поспет невозможно было. И мы к тебе пословъ своихъ отпустили, а напередъ пословъ своихъ послали есмо к тебе гонца Ѳедора Шимшарова з листомъ, жебы ты а нашихъ пословъ з войскомъ почекалъ, и ты к намъ гонца своего отпустилъ еси (л. 140 об.), а самъ еси не вернулся, идешъ на конецъ землю з войскомъ, а посломъ нашимъ розказалъ еси к собе ити наспехъ, прагнучи кровь христьянскую и хотячи видячи крови розлиания во христьянстве, и написалъ еси у своихъ листехъ, штобы намъ своими послы привазати вси слова и намъ почому позгинути, што тебе мило, албо любо, а от тебе не слышавши, албо которое уставишь новое дело, чему ся стат нелзе, и мы перед Богомъ и перед тобою змиряемся, посломъ своимъ к тебе ити розказали и на которой мере.

Року 1583, месеца септеврия 8 дня, его милость князь Богданъ Соломерецкий, староста кричевский и луцкий, приехавши з войска з службы з двору его кр. милости с подъ Искова, по взятию, панну

Евву Баркулабовну, старостянку дисенскую, у стань малженский за себе взялъ, а веселе было у месте Виленскомъ.

Того жь року 1585 у пость Филиповъ у пуци Сидоровской его милость князь Богданъ Соломерецкий побилъ лосей десять великихъ а вепровъ дикихъ великихъ осмь, где теперь село Сутоки и Махова.

Того жь року Василей Сесковичъ з уряду зъехалъ, а панъ Романъ Ревут на врьдъ Боркулабовский наехалъ.

Того жь року 83, праве о светомъ Петре, албо на самый день Петра и Павла святого у Головчине робили, прудъ сыпалъ. Якобы о полудни у месте Головчине у брони остроговой силный и великий громъ забилъ 12 человекъ, а трехъ (л. 141) человекъ не знашли, не ведет гдеса подела, если вода занесла, албо песокъ засыпалъ.

Того жь року многа множества страшныхъ и великихъ чудесъ Господь Богъ оказати рачиль: перуны и грады великия, сухость, морозы малъ не через все лето были у Литве. От великого морозу на поли у колосы жито пошло, многия дома пановъ задныхъ от перуновъ великихъ погорели, зиме з морозовъ и метелицы по дорогамъ многое множество людей убогихъ, также и купецкихъ померло. А лете великий жаръ былъ: жито, яри, трава, также ярины огородныя все погорело у Литве, а звлаща около Менска, около Вилни, люди убогия з хлеба на Русь давалися—молодцы, жонки, девки, много на Русь и на Украину понаходило.

Року Божого нарож. 1584 великий князь Иванъ Василевичъ первой сына своего Ѳедора посохомъ пробилъ, а потомъ самъ и сынъ его старший умерли.

Року 1599 Стефанъ Василевичъ Годуновъ на царство Московское коронованъ. На весне великая вода была у Смоленску, у замку швырень зрыла, ставовъ, прудовъ много поповало.

Року 1585 о семей суботе Хомутовский, врьдникъ пана Любелскаго, села Гарбовичи, Хотетовъ, Следноки, и Струпици, Заболотя, Батуня и иныхъ много сель побралъ за пана Любелскаго держаня, а первой была волость замку Могилевскаго.

Року 1586 веснѣ у велигий пость панъ Михайло Гарабурда посломъ на Москву ходилъ. Оттоль вывезъ примиря (л. 141 об.) на годъ двадцать, а мешкалъ на Москве аж до самое суботы, а приехавши у Литве умеръ.

Того жь року на святаго Юря морозъ а снегъ у колена выпалъ. Тогда на Ѳом(иной) недели люди овсы, ячмени сеяли, а пред

се былъ урожай добрый. Того жъ року панъ Любенский и панъ троцкий умерь, а пану Лву Сапезе волость пана Любелскаго досталася (см. прим.).

Року 1583 календарь новый выданъ за кроля Стефана, за митрополита Девочку, за владыку полоцкого Терлецкого ляха, бо перед тымъ былъ ротмистромъ, и векъ свой зжилъ. На тотъ же часъ было великое замешание промежи панами и промежь людми духовными, также и людми простыми было плачу великого, нареканя силнаго, похвалки, посварки, забуйство, грабежи, заклинания, видячи яко новые свята установляли, празники отменяли, купцомъ торги албо ярмарки поотменяли,—праве было начало пристыя антихристова, у такомъ великомъ замешанью. Того жъ часу почали у во Лвоу, у месте Виленскомъ, у Берестю школы науку выдавати, братерство якоесь установляти и тымъ законъ и веру утвержати, за патриархи не кажутъ Бога просити, ани его упоминати, толко за папежа; тепер же почали сеймы—соборы чинити и до нихъ изежчати.

(Л. 142) Року 1586 месеца іюля на святого Бориса и Глеба в месте Могилевскомъ церковь святя Богородицы сооружена и через владыку посвечона. Того жъ року, 86, было посту Петрова 5 недель. Того року ячень, овесь сеяли на десятой недели, предсе былъ урожай великий, добрый: жита мера была грошей по 14, а черт жита по грошей полчварта.

Того жъ року, 86, о Святомъ Духу на Москву ехаль и на Орши былъ Еремея, патриарха Антиохийский, з своее земли до Москвы ехаль рокъ; тогда на дорозе в него вси слуги отмерли, а мовиль языкомъ антиохийскимъ.

Року 1586, месеца декабря 4 дня часа 9 о полудни, великий король полский Стефанъ Батура, княжа Семикгородское, переставился, а поховано у Кракове.

Року Божого нарож. 1586 взято на кролевство Полское кролемъ кролевича швецкаго.

Року 1587, зима была велми снежная, морозы силные, метелицы великие, такъ же и весна велми неуставична была: редкий день минуль без снегу, ажь до святого Юрья, а Юрей святой былъ 2 недели по святе; а потомъ на четвертой недели по святе в ночи были немилостивые страхи: великие дожди квалтовные дома подрывали, верхи позносили, яко черезъ всю тую ночь не засыпали люде,

по полямъ у пастуховъ статки градомъ (л. 142 об.) побило, а въ лесе деревемъ, у князя Головчинского много стирть з житомъ перунъ пожогъ, по селамъ статки мало не вси побивъ градъ по полямъ.

Того жъ року 87 на весне пшеницы переводни сеяли на 5 недели, ярицы на 7, овсы, ячмени на 8 и на девятой, але не увошли от великихъ морозовъ; еще с первое Святыя Пречистыя почалися; гречихи не косили, а хотя кто и косиль, немного пожитку мель. Того року жита жали по Покрову Святыи Богородицы, овсы и ячмени жали на 3 недели по Покрове. Тотъ рокъ 87 велми был на все згола незрожайный и голодный.

Року Божого нарожения 1587 месяца июня 7 дня послы шли московские до Варшава кроля обирати на королевство полское по смерти кроля Стефана: бояринъ и наместникъ коломенский, велико перимъский Стефанъ Василевичъ Годуновъ, бояринъ и наместникъ коломенский Феодоръ Михайловичъ Троекуровъ Ярославский, печатникъ и ближний диякъ господарский Василей Яковлевичъ Щолкановъ, думный диякъ Дружина Паньтелеевъ Петелинъ. На томъ же сейму Варшавскомъ ничего доброго не усеймовали, бо межи панами была великая незгода: поляки вотовали на Максимилиана, цесаря христианскаго (л. 143), Литва вотовала на князя Московского, королевая вотовала на королевича швецкого, и затымъ розехалися, не постановивши ничего доброго. На томъ же зезде было немилостивые посварки и забойства, выличили на томъ сейме невинне забитыхъ семь сотъ головъ. Были тежъ на томъ сейму з многихъ и далекихъ земель, то есть от царя турецкого, отъ князя московского Ивана Василевича, от Максимилиана, цесаря христианскаго, от кроля швецкого, всехъ тыхъ было з розныхъ украинъ пословъ двадцать. Конвакация септебря 20 дня: пана Кишку послали послы по королевича швецкого Жикгимонта Третего, с которымъ королевая сама послала двору своего выбраного люду коней пятсотъ.

Року Божого нарож. 1588 взято на королевство Полское королевича швецкаго Жикгимонта Третего, а короновано у Кракове на Вознесение Христова. Того жъ часу и тело кроля Стефана поховано.

Прето што ся почнетъ незблагословенства Божого и старшихъ пановъ господарей нашихъ, а за призволеньемъ белыхъ головъ, не много Господь Богъ помогаетъ и грады множить, албо покой даруетъ. Тепер же за держаня кроля пана нашего Жикгимонта Третего

явилася промежь панами великая немилость (л. 143 об.), показалоса отщепенство и великое гонение у святой вере на церкви Христовы, а наболей на веру каѳолическую, на веру христьянскую; оставивши голову Христа Спасителя нашего, показывают и становять на то мѣстѣ старшимъ головою Петра и насветшаго папежа. Были войны разные великие Зыкшмилемъ (зъ Мокголемъ) Волоскимъ, з кромемъ шведскимъ, с козаками Запорозскими, праве згола якобы мало не пуста земля была. Такъ же у збожью неурожай, голоды великие, доровъ (*дороговъ*) силная, поветрие, моры, лета непогодныя незрожайныя, праве на все недобро и неспоро было стало.

Року 1587 месеца октября 1 дня за Жикгимонта Третего, за владыку полоцкаго Теофана, митрополита Девочку, на Вендорожи посвящено храмъ Покровъ Святыя Богородицы через Федора Филиповича, священника баркулабовскаго, за благословениемъ Теофана, владыки полоцкаго.

(Леть две тысячи без закону предъ потопомъ. Леть две тисечи зъ закономъ со обрезаниемъ. Леть две тисечи зъ евангелиемъ, то есть христьянство).

Року 1588 после Петра святого былъ на Орши патриарха Цареградский именемъ; тотъ на Москву ехаль до князя Федора Ивановича, а з нимъ три владыки, всихъ было при немъ коней 50. Тотъ бо на соборъ до мѣста Виленскаго листы писалъ до митрополита и до всихъ епископовъ.

(Л. 144) Того жъ року 88, у мѣсте Виленскомъ тамъ у тыхъ краяхъ, такъ же у Кieve и на многихъ странахъ великий моръ былъ. Того жъ року 88, от семой суботы ажъ до Рожства Христова велми великая была непогода и неуставичность: в лете дождю не было, а у восень снегу не было, толко вѣтры а дожди, у восень о святомъ Покрове велми поводоъ великий былъ, ажъ по лугомъ пошла, праве яко на весне велика была, а до Рожства Христова у Днепре вода прибывала, из береговъ выливалася.

Року того жъ 88, месеца генвара 18, после святого Аѳанасия на третий день дожди великие были, ажъ снегъ согнало, праве было яко на веснѣ: пастухи на боръ с статками погналися на паству, а потомъ за недель три знову зима лютая.

Того жъ року архиепископъ Теофанъ, владыка полоцкий, господинъ благоверный, у Полоцку преставился; тамже погребено тело его честно.

Того жъ року, 88, совершено на владычество Полоцкое Афанасия Терлецкого, за кроля Жикгимонта Третего, за митрополита Михаила Рагозу.

Року тогожъ отъ господаря кроля выслано напервей до Орши енералы, то есть над дванадцати возными одинъ енераль—местце старшее маеть, Богданъ Биряленокъ, якожъ предъ тымъ у тыхъ краяхъ не бывало.

Року 1589, месеца мая 30 дня, по запустахъ святого (л. 144 об.) Петра и Павла у пятницу ея милость княжна Богдановая Соломерецкая, княгина Евдокия Баркулабовна Корсаковна, у замку Кричевскомъ за староства князя малжонка своего породила сына именовемъ Исакия Долматского по прозвищу князь Богданъ, а крестиль его старецъ убогий.

Того жъ року 89, панъ Крригоръ Вилянтъ у закупе Боркулабовъ держаль годъ три; онъ уволоки меския роздавалъ. Тотъ рокъ 1590, яко в лете сухость, такъ зиме морозы сильные великие; было такъ, ижъ льда у восень палили.

Року 1590, были козаки запорожские Матюша с полкомъ, Голый с полкомъ, у Могилеве ажъ до Минска приставство по волостяхъ брали, а кривды шкоды не чинили, толко жонокъ охочихъ, тыхъ намовляли и заклинали, абы з ними на низъ ишли, и взяли з собою жонокъ и девокъ, яко двести поголовъ.

Року 1592, о мясопустахъ, его милость князь Богданъ Соломерецкий, староста кричевский и олучицкий, Буйнич, Чайки откупилъ и уволоки поволочивъ, а предъ тымъ было многихъ разныхъ пановъ—князей Соколенскихъ, князей Мосальскихъ, князей Крашинскихъ, пана Филона и далей.

Того жъ року 92, его милость князь Богданъ Соломерецкий, староста кричевский и олучицкий, слободы осадилъ село Махова и Сутоки.

Того жъ року 92, сталося великое и немилостивое замешане (л. 145) у вере от римлянъ на святую веру восточную греческую; почали соборы помесные чинити, то есть у месте Виленскомъ братство навчонныхъ людей до себе на поратунокъ прибавили з места Львовского Григория Раготинца, Стефана Зизания. Тыя сильную и великую войну з рымляны мевали, не толко на ратушахъ и при рынку, по дорогахъ, но и посредку церкви святое войну, потарчку великую мевали, якожъ имъ Господь Богъ противу ихъ упоровъ великихъ из-

мысленныхъ уставовъ и законовъ николи не помогъ и не поможетъ. Теперъ же почали отъ господаря кроля до архиепископовъ с прозбами и грозбами листы фалшивые писати и посылати по всихъ градахъ.

Року 1590, месеца июня 29, у Берестю Литовскомъ на Рождество Иоанна Предтечи былъ соборъ, за митрополита Рагозу, а за владыку полоцкаго Терлецкаго, нижели на томъ зезде ничего доброго не вчинили, на который соборъ и его милость князь Богданъ, староста кричевский и олучицкий, послалъ попа своего баргулабовскаго Федора Филиповича.

(Л. 145 об.) Року 1592. Жикгимонть третий, Божею милостю король полский, великий князь литовский, русский, пруский, жомоцкий, мазовецкий, инфлянтский, королевства Шведскаго наближный дедичъ и пришлый. Ознаймуемъ тымъ нашимъ листомъ всемъ посполите каждому вособна, кому бы новинъ ведати належало, нинешнимъ и напотомъ будущимъ. Ижъ мы господарь видячи быти прихилныхъ ку поровнаню у вере святой архиепископовъ реліи греческое Ипатія, луцкаго епископа, лвовскаго и холмскаго, которые до насъ господаря с тымъ прислали, хотячи подъ зверхность и благословенство одного пастыря светейшаго отца нашего папежа римского быти, ему старшенство и зверхность признати, заховавши в себе вцале вси справы и церемонии в целости во церквахъ Божиихъ. Што мы господарь видячи предсявзяте ихъ потребно до речей збавенныхъ, то от нихъ з вдячностю приимуемъ. А ижъ бы за таковую хуть свою ласки нашее господарское были вдячны и певны, тогда то имъ тымъ листомъ нашимъ привилеемъ, имъ самымъ и ихъ потомкомъ, по нихъ всихъ епископомъ, презвитеремъ и всему епископству церкви восточныя римския варуемъ и упевняемъ и словомъ нашимъ господарскимъ прирекаемъ и обещуемъ, сами з себе и з яснейшими потомствы нашими королевства Полскаго. И хотя (л. 146) бы тыхъ речонныхъ епископовъ подати і листу привилія нашего от патриарховъ и митрополитовъ, якихъ же колвекъ причину неблагословенству были на нихъ винайдованя, клятвы выношены и выдаваны, ижъ то имъ епископомъ самымъ и всему духовенству ихъ намней николи ни в чомъ шкодити не маеть, обещуемъ, и словомъ нашимъ королевскимъ для вшелякаго оскарженя и клятвы і оглошенья, бы и добре противу станомъ ихъ водлугъ справъ духовныхъ и светскихъ было для всихъ причинъ каковыхъ духовенство владычествъ, на которыхъ оны мешкають з данины продковъ ихъ и от насъ, того от нихъ не отоймо-

вати, и при ихъ животахъ и нашимъ (инымъ) особомъ не давати, але ихъ заховуемъ вцале, с примноженьемъ ласки нашея и вывышенъемъ учтивости во упокою на тыхъ владычествахъ, яко верныхъ подданныхъ и богомолцовъ нашихъ, поки остатнего живота ихъ ставати будетъ. И еще на тое имъ каждому, хто быся до таковое едности порядку прихилили, свободы волности по томужь, яко ихъ милост духовные римские мають, также и они мають и будутъ мети, што мы обещуемъ еще иными привилеями нашими имъ надавати с примноженьемъ ласки нашея господарския. А то все обещуемъ мы господарь за насъ и за потомки наши тымъ помененымъ епископомъ Кириле Терлецкому (л. 146 об.), владыце луцкому, Гедиону Болобану, владыце лвовскому, Леонтию Пелчицкому, владыце пинскому, Дионисию Збаражскому, владыце холмскому, Гермогену, владыце полоцкому, вцале держати до ихъ животовъ. И на твердость тое речи дали есмо имъ сесь нашъ листъ привиле, подписавшися рукою нашею королевскою, до которого печать нашу коронную притиснути есмо велели. Писанъ в Кракове, месеца марта 11 дня року 1592.

Быль сенодъ у Берестю рок 15(36) месеца октоврия 16.

Такъ се деяло на день зъезду зложено октября по старому, а 16 по новому. Сходилися духовенства и рыцерства послы и панове засестъ и духовенства до господы княжати его милости воеводы киевского до каменицы пана Роского, отколь посылали до митрополита двоухъ особъ от духовныхъ, а двоухъ с кола рыцерского, ознаймуючы, ижь се зъехали на сенодъ, абы ознаймиль местце, на которое бы ся (л. 147) сходили з ними для намовъ, тому часови належачихъ. Онъ отказаль, ижь еще не намовилися о местцу, але до заутрешнего дня четверга 7 октября отложилъ. И прибита была карта от него в церкви соборной мурованой, тамъ местце схоженю ознаймуючи. В томъ часе мель быти ему данъ позовъ духовный от отца Никифора, ексарха, посланого на то от Гаврилия, патриархи Костентинопольского, абы передъ нимъ становилъ назаутрее для усправедливеня в таковыхъ выступкахъ, в чомъ будучи от когос перестережоный, митрополить и владыка крылися у госпode ксендза бискупа луцкого. Того дня не рано у середу прибыль до Берестя его милость панъ воевода троцкий, и заразъ былъ у его милости княжати воеводы киевского, который повѣдилъ, ижь есть послове от его крал. мил. на тотъ сенодъ зъ его милостю паномъ канцлеромъ и паномъ подскарбимъ, которыхъ же немашь, абы се тымъ

его мил. не ображалъ. Тую обмову его милость кгда княжа в коле поведиль, тымъ вси были ображени людскимъ повоженьемъ, же ихъ милост знати не дають и не давали и стерегли уплыненье ся часу сыноду. Сынодъ зачали того (л. 147 об.) дня. На самымъ року маршалка обрали духовные, также поселствъ с килку поветовъ слухали. У четвергъ заседали княжа воевода киевский из сыномъ княжатемъ, воеводу воынскимъ, велми рано на свитанью до его милости пана воеводы троцкого, а были тамъ годинъ зевгаровыхъ болшь пяти под полудень. Втимъ приехалъ панъ канцлеръ с подскарбимъ и шли просто до воеводы троцкого, где и князя застали и знову толкожь часъ немалый сами стравили. От себе слали пословъ до митрополита шесть особъ с кола рыцарского, 6 особъ духовныхъ, 6 пословъ з места, давши до него мовене, и на писме доложивши в немъ, абы часу не зволочилъ а з ними зышолься и намовиль. Кгдажь тотъ зьездъ толко народу рускому зложонъ, дознавши его бытъ, и тыхъ владыковъ отщепенцами оных за пастыровъ немети, а иныхъ обратъ, а ихъ зложить старатисе будуть, если о собе справы певное не дадутъ публице, если при старой вере и благословенстве патриарха стоять.

Тыхъ пословъ поткало княжа,—вжо ехали до митрополита. Тые послы митрополита zostали вже в пановъ сенаторовъ менованныхъ. Которому кгда таь поселство (л. 148) веселое прочитали, просили о цедулу тую; одно ей имъ не дано. Тые вси прошли от митрополита безъ отказа, обещаючи своихъ послать, яко заразь и прислали пана Прецвица, кашталяна каменецкаго, пана Шуйского, третего каменецкого инстикгатора. Тые до княжати его милости широкими словы речъ учынили о томъ поселстве, ижь то з господы в(ашей) м(илости) ровне яко отповедь, або декретъ якимъ былъ посланъ до митрополита, ображаючисе тымъ о то, ижь имъ того тамъ писма не zostавили: кгдажь они головного по того зьезде местце его кр. милости поведаючисе бытъ конклюзыи одной, одное справы безъ ихъ милости быти не могла. Княжа учиниль обмову, ижь тамъ былъ у ихъ милости, однакъ держачи то от ихъ милости всихъ, же што колвекъ чинили, то бачне чинимъ и при нихъ стоять и стояти будуть; потомъ розвелися троха з речу до плачу, же се то они ничымъ ображаютъ: „Мы вси маемъ ся тымъ ображати от тыхъ здрайцовъ нашихъ, которые то наварили и от тыхъ, хто имъ того помогаетъ, вжды терпливе знослячи явную кривду, на Бога помсту и оборону положивъ“. Потомъ поведиль панъ Гулевичъ, человекъ досытъ добре

(л. 148 об.) годный, маршалокъ обраный, ижъ (не) княжа его милость, але мы вси послали, а княжа его милость есть яко одна персона. Если ихъ милость и оныя послы поведели, жехмы не до васъ посланы, але до ихъ милостей княжать, а до новокрещенцовъ и евангелиеовъ, не мемъ жадное sprawy. На тотъ часъ где они будутъ, тамъ ничего слушного постановлено быть не можетъ. Онъ тежъ поведаль: „я тежъ васъ не прошу, абысте який отказъ чинили от мене“. Княжа тежъ оповедаючисе вобецъ, же ничего без нихъ в той справе чинити и мовить безъ ихъ милости не хочеть. Потомъ по малой хвиле прислали ихъ милость, же сами хочуть быти у княжати. И приехалъ панъ воевода троцкий, панъ канцлеръ, панъ подканцлерий и шли на упокой до княжати. По годинѣ мають быти у княжати, прислалъ до кола, ижъ хочуть ихъ милость быти у в(ашей) м(илости), а то вже было смеркшисе; чекали на нихъ килка годинъ. Втомъ образившысе тымъ вси, ижъ такъ долго на нихъ чекають, кдыжъ не вемъ, о чомъ намовы сами в собою чинять: zde идеть о всихъ насъ и сумненья нашого. Прирекши у пятницу о 14 године зъехалисе (*тисе*) и речи зача (*тми*) кончити и разъехалисе, а гурмомъ з нареканьемъ. И то могли сенаторове слышать добре, бо были окна на улицу (л. 149), а гукъ немалый тежъ былъ людей. На завтрее в пятницу по мене приславъ панъ подскарбий и иныхъ собравъ до себе, тамъ же напоминаль: а што ведать, якую с того потеху, обещаючи на потомные часы, ведучи до згоды; чога а николи в насъ не могъ зеднати з отказу, же мы не хочемъ быть таковыми, яко тамъ тые отщепенцы. Онъ мне отказаль: в(аша) м(илость) не смеешь пана воеводы смоленского. И на томъ заплатилъ, жемъ не отъ его милости приехалъ, але самъ от себе. Потомъ ехалисмы до кола до братий. Тамъ же была инструкция поселствъ, читаныхъ зо всихъ земель и поветовъ, земли Волинское, с Подоля, с Подгоря, з Руси, из Литвы, зе Львова, с Києва, с Премышля, с Пинска, же много ихъ плачомъ были порушони, у словъ самыхъ привилевъ браты ихъ; указовано, колко постановеныхъ порядкеовъ патриарха Костентинопольского, а по тымъ часе от королей ихъ милостей конфѣрмованыхъ доводовъ. Засе на письме, што ведать, якъ много указалосе на митрополита, якъ писаль до людей листовъ зашитыхъ и отвористыхъ, ушевняючи ихъ, ижъ не ведаеть, ани мыслить о томъ отщепенстве. За тымъ реченье мовены были, не быти имъ послушнымъ, от духовныхъ. Тежъ декретъ на письме былъ наготованъ, коли панъ каменецкій (л. 149 об.) и з нимъ

княжа воевода волынский отъ пановъ пословъ его крол. милости, абы с кола рыцарского было высажено депутатовъ чтыри, а з духовныхъ чтыри. Также много они своихъ не ведаючи, ижъ до добрыхъ речей хочуть се зносить, до чого далися намовити, еднакъ неинде и на иншомъ месте, одно тамъ же, где смы заседали; в другой избе варовавши собе тож, абы ихъ депутаты в жадную се речъ без ведомости всего кола не вдавалися; але поданные, от них слышавши, до кола принесли. Тамъ панове сенаторове дали невинне нашимъ латине. А потомъ скоро казанье вчинилъ на две године княжа. Наши килку посланцовъ слали, зовучи своихъ до себе, что обачивши сенаторове казали му кончити. И пришли наши. Тож штосмы розумели, принесли намъ, ижъ хочуть згоды, абы папежа головою признати, календарь приняти. На то собе не дали наши речъ ани слова, отказали до нихъ черезъ пана Древинского и пана писара володимерского, ижъ на то зезволити не могутъ з многихъ причинъ на тотъ часъ, ажъ не всимъ порадкомъ тако верячы и неслушнымъ поступкомъ зачалися о направи в речахъ духовныхъ, с такъ малою частю людей духовныхъ ничого становити не могутъ; але папежъ нехай с патриархами о томъ намовить, або (л. 150) порозумене вчинившы сенодъ зложать и о томъ становять, а мы без старшихъ своихъ духовныхъ о томъ и мыслити не хочемъ. Тыи принесли орацыи до нихъ, жалосно учинено, упорными зовучы. За тымъ декретъ от того наместника патриархового оферованъ. Втомъ ноч зашла. В суботу скоро смы се зешли до кола, декретъ патриаршый и проклятство на митрополита и владыки было по руску чытано, переложено з кгрецкого, барзо словы пiенкными и досыт жалосными. В томъ панъ канцлеръ литовский приславъ до мещанъ виленскихъ, зовучи ихъ до себе, которые пойти не хотели до ихъ згоды. Тот же имъ отповедалъ, ижъ того з жалемъ и со клопотомъ уживете,—што они светчили в коле. Панъ маршалокъ тежъ нашъ усказаль до пана канцлера, ижъ есте, панове Литва, стратили,—тымъ преводимъ не мало панства до Полски. В томъ заразы от пана канцлера и от пана подскарбега пришли до княжати воеводы киевского инъстикгаторъ каменский с килку слугъ ихъ, припоручаючи у тридесяти тисечей золотыхъ оного екзарха посла патриаршеского, зовучы его шпекгомъ з Бельгоръ (*ода*) и до того Стефана и поповъ зовучы ихъ выволанцами. На што княжа имъ отказаль, ижъ не толко ве тридесяти тисечей золотыхъ, але и в килку кротъ сто тисечей приймую и на сейме ихъ

становити будутъ, а тамъ се откажетъ, если (л. 150 об.) слушне выдають выволане на людей невинныхъ; а хто слушне заслужилъ, на того не выдають; а коли колко былъ, а вказувано на то и грека, тотъ отецъ Никифоръ Азар Протасый, сей яко бы первоседалникъ по патриарсе, шталъ, што то за кголькъ; поведаль му по грецьку, ижъ его препоручають. И ставъ на лаве, упросивши, поведаль, ижъ тотъ самъ здрайца, хто мене здрайцою подоймоваеть, духовный жень детей нимашъ, абыхъ се ме того подоймовать для набытя маестности, але и свое острадаль для имени Христова; але тые сами сут здрайцами, ижъ крадутъ християнъ, подмовляють, розные причины найдують. И вказаль привилей свой всихъ чтырехъ патриарху посланныя его в тотъ край зо всякою моцью, яко бы самъ патриархъ былъ доброволного приеханья на сейме, обещаючысе ставити, яко и станеть. Такъ же княжа его милость, жалемъ будучи порушоный, вказаль до пана канцлера и до пана подскарбего, ижъ нехай королемъ его милостью не грозять, бо онъ вестъ, яко повинность и веру пану своему хова, и его фамилия старожитна, не новотна; але нехай ихъ милость мовять, мне грозять сами собою; если што мають до мене, ставлюся ихъ милости всюды, где ми кажутъ. Потомъ прислали князя Шуйского из другимъ якимсь лешкомъ, ижъ в насъ згода доходить в костеле (л. 151), если воля в(ашей) м(илости) быт тамъ з собою помоч быти. Поведиль, же заразь пошлемъ. Десять человекъ с кола рыцарского, десять особъ духовныхъ, десять пословъ мещанъ выправлено, або протестацыи осветченье вчинили,—на то не везволять. И возные были з княжатемъ и енераловъ килка. Которые егды приехали до костела, тамъ ихъ до фортки гайдуки пана подскарбего и пана воеводы троцкого и слуга не пустили; они тежъ ехали назадъ з великою жалостю. А то было в субботу вже не рано. Того дня княжа воевода волынский, волынцовъ и подолянъ мело быт не мало у пана подскарбего на обеде, и не были тамъ, будучи тымъ барзо ображоны. Протестацыи не принято в замку ньякихъ нашихъ. Митрополита и владыковъ праве квалтомъ, слыше, примушано до присяги. Они просили для Бога на отложеньи до сейму, але арцыбискупъ лвовский, бискупъ луцкий, панъ канцлеръ ихъ упевняли ласкою кр. его милости, обещаючи то имъ, привели ихъ до присяги, а тамъ же митрополитъ з чтырма владыками присягнулъ на старшинство папежу, на календар и на артикуль, ижъ Духъ Святый от Отца и Сына походить и на едность костела. И заразь в неделю

езуита в соборной церкви служилъ имшу, а Скарга казане поведаль, а Потей службу служилъ у костеле (л. 151 об.) въ Рожейского ол-тара. Тамъ же у олтара руского, где служилъ римлянинъ, в келиху вино у кровь барзо шпетную смродливую обернулася, же отъ езуи-та непоживаль, а у олтаря римского у Потей вино обернулося у простую горкую воду. Тамъ же у Берестью нашолся былъ человекъ якийсь простый, который великие речы мовиль, же страхъ словъ его людей преникаль, бо Писмо все на память знаетъ; штось дивного, певне не тотъ, што мель у голову заходити, и напоминаль, абы лю-де своей веры мощность держали. Тыхъ лотровъ, митрополита, ихъ владыкъ невидали, бо ихъ не пустили римляне. Того жъ дня въ су-боту заразъ с костела панъ воевода троцкий приехалъ до княжати, пожекнналъ, жалуючи незгоды и ехаль до Чернавчичъ. А мы в не-делю вси разъехалися, заварши то и запечатовавшы и подписавшисе до того писмомъ, албо универсалу его кр. мл. послалисмы; ужили пана Тулевича (Гулевича), маршалка, а пана Еламолинского и па-на Броневского, людей годных: праве два евангелицы, а третей но-вокрещенцовъ.

(Л. 152) Року 1592, июня по старому 11 дня въ неделю. Была брань великая, велми страшная: почавшы от западныхъ краевъ зам-ковъ украинскихъ Черниговъ, Гомель, Любечъ, Белая Церковь, Пе-реяславль, Стрешинь, Речица, Рогачевъ, Крычевъ и иныхъ многихъ местъ и замковъ в тыхъ всихъ по селахъ и местахъ и местечкахъ немало збожя попсовала градъ и буря великая, а на бору на лесе и по лугомъ со пчолами дерева бортное на воде угляды (?) згола, штось троха зостала, буря великая поламала; якожъ на тотъ часъ давали справу и жалосно поведали, ижъ дей у водного мужа северского бортного дерева сто поломило, у другого двесте, у третего треста, ижъ страшно и томъ слышати было; дороги каждый от села до се-ла волостью прочищали, наветъ и теперь на лесехъ на бору и по бо-лотахъ поломатые видети много.

Якожъ тотъ рокъ 92 былъ урожайный: жита, овса, гречихи, хо-тя жъ неросла, але добра, пшеницу иржа побила. Цена житу была ганей: чверт по грошей пяти (л. 152 об.), мера жита по грошей двадцати.

Того жъ року по Теофане владыце совершено на владычество Полоцкое Нафанаила Терлецкаго, начальника новому календару бе-законному его даному и безыменному как того зовуть? хто то подалъ?

Ни Моисей, ни Христосъ! И то было велми скрыто, потайнѣ межи собою ховано, ажъ до року 96. Того жъ року 92 далъ Господь Богъ видымый знакъ, ижъ у восень о Покрове на дереве листь не опаль, и былъ зеленъ у восень такъ, якъ на весне; а на другихъ деревехъ такъ и зымоваль.

Року 1594, на весне, заложена церковь у Могилеве святого Спаса, у монастыри, была велми иконами украшена. Потомъ настало якоесь братство отъ святого Спаса: по месту ходили, новые церемоние чинили не ведлугъ уставу святыхъ отецъ, на ослати по волку рокъ ездили; згорела церковь святого Спаса; жеребя волкъ заевъ; дитя, которое седело вместо Христа, то ослепло. Того жъ року, весне, у Могилеве заложень костель святого (проп.) на селищу Овгупка небожника Богатого, бо пред тымъ у Могилеве полскихъ костеловъ не бывало. Року 1594, за кроля Жикгимонта Третего, за митрополита (проп.), за владыку полоцкого Афанасия Терлецкого, за стараньемъ и великою пильностью его мл. пана (л. 153) хрестиянского его милости князя Богдана Соломерецкого, старости крычевского и олучицкого, и за хрестолюбивою женою его мл. княгинею Евдокиею Баркулабовною Корсаковною, а за урядниками ихъ милости паномъ Федоромъ Глетивскимъ сооружень и посвященъ бысть храмъ святого великомученика Георгия черезъ священника боркулабовского Федора Филиповича и бысть поручена или подана во служение действия службы божественныя везати и рѣшити детейъ духовныхъ отцу Тимофею Алексѣвичу.

Заметъ заметано около церкви, и келия постановлена, и монастырь заложень чернцы; отца Афанасия его милость князь Богданъ благоверный упросилъ, абы братия при немъ была.

Быль у Берестю соборъ року 1594.

Того жъ року панъ Островинский умеръ. Тотъ рокъ былъ мочливъ, бурливъ, студень; на збожье мерный былъ урожай.

Того жъ року 94 месеца декабря 17 дня, во второкъ по ранной службе, у Буйничахъ принявши тѣло Христово отъ рукъ своего духовника у светлицы Буйницкой, ее милость пани Боркулабовая Поланея Крошинская того жъ часу по приятию Святыхъ Христовыхъ Тайнъ побожне (л. 153 об.), богобойне, з великимъ набоженствомъ, принявши Святые Тайны, душу свою Господу Богу предала; яко бы полгодини на рукахъ духовника своего была и преставися. И по-

хована того жъ року месеца мая в неделю середопостную в церкви Баркулабовской; вышей крыласа левого гробъ ей бысть.

Того жъ року 94, по святе велебномъ, Нафтанаиль Терлецкий, владыка полоцкий, с того света переставился. Жилъ на свете своего живота летъ шесть (проп.). Тотъ помаленку вводилъ новый календарь, бо былъ родомъ полякъ и мовилъ попольску.

Лета Божого пароженья 1595, месеца ноября 30 дня в понеделокъ за тыдень вередъ святымъ Николою, — Севериянъ Наливайко; при немъ было козаковъ 2000, делъ 14, гаковницъ (проп.). Место славное Могилевъ, мѣсто побожное, дома, крамы, острогъ выжгли, домовъ всѣхъ яко 500, а крамовъ з великими скарбами 400. Мещанъ, бояръ, людей учтивыхъ такъ мужей, яко и женъ, детей малыхъ побили, порубали, попоганили, скарбовъ теж незличонныхъ побрали с крамовъ и с домовъ. Тутъ же войско литовское пана Радзивила троцкого, гетмана литовскаго, до Могилева у погоню за козаками притегнули люду рыцерского коннаго збройного, Татаръ 4000, Литвы 14000. Над тымъ людомъ былъ (л. 154) гетманомъ на имя Миколай Буйвидъ. В той часъ Наливайко лежалъ у Могилеве две недели. Услышалъ о томъ Наливайко, ижъ гетманъ з великимъ людомъ и з делами до Могилева тягнеть, тогда Наливайко з Могилевскаго замку на гору Илинскую, где тепер церковь святого Георгия стоить, бо на тотъ часъ не было, выехалъ. А такъ войско литовское на поли Буйницкомъ, имени велможного его мл. князя Богдана Соломерецкого, старосты крычевского и олущицкого, на войско Наливайково вдарили и кругомъ остунили. Тамъ же зранку ажъ до вечера, яко бы вже к вечерни звонити часъ, межи собою битву мели, якожъ Литва з войскомъ великимъ натискали на войско Наливайкино. Предсе одинъ другому войску мало шкоды учинили, бо великую армату, такъ дѣль и гаковницъ, пулгаковъ велми при себе множество мелъ, также людъ свой отаборивъ конми, возми, людомъ, шоль мощно. Якожъ з дела с табору Наливайкины козаки пана зацного пана Григория Аноховского забили; первой коня под нимъ застрелили, а потомъ, выпадши с табору, козаки его самого розсекали. Тепер же Литва от козаковъ отступивши, до Могилева на болший лупъ поехали, а козаки на всю ноч ехали до Быхова ажъ на низъ. (л. 154 об.) Литва за казаками гналася ажъ до Рогачева, да ничего згола не вчинили козакомъ; а Литва и Татары рущилися до Менска, до Навагорода и до Вилни, набравшись тутешнего краю лупу.

По выеханью казаковъ и Литвы, тогда было зиме ни зима, ни лѣто, ни осен, ни весна ажъ до месеца мая до святого Аѳанасія снегу не было.

А ижъ козаки Наливайкиного войска почали творити шкodu великую замкомъ и паномъ украиного замку. Того жъ року 95, з войскомъ литовскимъ погонивши в селе Лубни, на речце Суле, козаковъ побили. Первей Савулу стяли, Панчоху чвертовали. А Наливайка Северина, поймавши по семой суботе, до кроля послали, тамъ же его замуравши, держали ажъ до осени святого Покрова; тамъ же его чвертовано.

Року 1596. После Духа Святого поставленъ на владычество Полоцкое Григорий, протопопиничъ виленский, названъ быст на владычестве Гермогеномъ. Того жъ року 96, за митрополита Рогозу, за Жикгимонта Третего, за канцлера Лва Сапегу, у Берестю правдиве на соборе владыка луцкий, владыка володимерский, владыка полоцкий, иныхъ мало не вси приступили и подписалися до нового календару. Того року почали Бога просити за патриарху Гавриила Константинопольского, 1596 (л. 155). Лета Божого Нарож. 1597 было Благовещеніе в пятюкъ великий. Тотъ рокъ велми былъ недобрый: были хоробы, болести розмайте, многие, великие; зима была люта, снежна, на санехъ ездилы по святе Велебномъ недели две. Почали орать пашню по святе на пятой недели и то велми было грязно; также и вода велми велика была, шкodu великую низкимъ местомъ и дворомъ, прудомъ починила, плоты, также иструбовъ много также порозносила. Жита чверти купили по гр. 12, овса чверть гр. пять. Ярицу, овесь того року починали сеяти на девятой недели, досевали овесь и ячмень на 13 недели. Того жъ року было Петрова посту недель 5. Тогда позная ярица высыпывалася за неделю предъ святымъ Ілею, а предсе увошла; умолоть былъ средний—ни лихъ, ни добръ¹⁾.

(Л. 156). Року 97. Во великий постъ его милость князь Богданъ именемъ Исакий у месте Баркулабове почаль учитися поруску грамоте и покрещку; а былъ бокаларемъ панъ Лаврентій Зизаний, человекъ навчений, з места Виленского прибавленный. А родился его мл. князь Богданъ в року 88.

¹⁾ Далѣе слѣдуетъ копія грамоты протосивгела Никифора, передающая духовную власть протопопу минскому Родіону и повелѣвающая поминать въ молитвахъ имя патр. Гавриіліа, вслѣдствіе отлученія отъ церкви Мих. Рагозы.

За господаря кроля Жигимонта Третего, за канцлеромъ Лва Сапеги, за митрополитомъ Михаиломъ Рагозою, за владыкою полоцкимъ Гермогеномъ, за новымъ календаромъ, за смиреннемъ и благословенствомъ преосвященнаго святаешаго вселенскаго патриархи Кирь Рафаила, за архиепископа его Гедена Болобана, владыку ильвовского, также и за духовника своего отца Федора Филиповича, священника баркулабовского, благоверный панъ его милость князь Богданъ Соломерецкий, староста крычевский и олучицкий, на власномъ и грунте своемъ Панковскомъ и Новоселскомъ на речце прозываемой Дашковце, на лесе—пуци сыромъ корени, закликавши и давши слободы, албо волности людемъ прихожимъ на годъ петнадцать седети, волно медь сытити, пива варити, горелку курити, заложити рачиль именемъ своимъ место Богданово, на тотъ же часъ и церковь то ест храмъ святого (проп.) заложити рачиль, на том же (л. 156 об.) имено своемъ именованомъ Богданове,—также именемъ и сына своего князя Богдана место Богданово.

Року 1598. Того року были хоробы, болести многие розмаитые, зима была мала снежная, а предсе рано стала, запоромъ зышла. Того жъ року пану Сапезе Лву, канцлеру литовскаму, досталось старство Могилевское в держане, а от него урядникомъ былъ на Могилеве Голубицкий, хоружий полоцкий.

Року 1599, у вилию Рожства Христова по старому, рачиль быти на чести у Баркулабове у его мл. князя Богдана Соломерецкого его мл. панъ Левъ Сапега з многими зацными паны велможными у месте Баркулабове. Того жъ року 99, месеца генвар 6 дня у волторок, князь Петръ Жижемский, староста речицкий, рачиль заручити панну Крystину у его мл. князя Богдана Соломерецкого, старосты крычевского и олучицкого; а веселе было року 1600, по светомъ Крещении в неделю.

Року 1599. Тотъ рокъ былъ велме меженский, албо голодный: жито куповали чверт по таляру, а мера жита по две копе безъ двадцати грошей; а предсе здоровый на люди. А куповати (збоже) было везде много, такъ у домахъ, якъ и в торгу, толко дорого.

Року 1599, месеца мая 27 дня, праве в сему ю субботу (л. 157) с полудня, у месте Баркулабове пришла до церкви Боркулабовское дочка жидовки Марямки, арендарки боркулабовское, именемъ Стирка; и пилне слезне упала и просила священника боркулабовского Федора Филиповича для Бога, абы была прекрещена у веру христиан-

скую. Якожь порадившисе с паны постронными, з боярми, земяни, з шляхтою и з урядникомъ баркулабовскимъ паномъ Федоромъ Плетинскимъ, наупоминаучи писмомъ святымъ и приводячи ее до памети, если правдиве маеш тотъ умысль христианкою быти ни для малженства, абысь мела за которого человека христианского замужъ пойти, албо для лакомства маетности, али правдиве. Оная жидовка именемъ Стирка тыми словы отповедала, стоячи предъ церковью предъ всѣми зацными паны и предъ народомъ христианскимъ: ижъ дей я, панове мои, вже давно з молодости моея, а правдиве дей вже полтора рока, яко сама ся на то позволила, просячи со слезами Господа Бога, и кладучи честный святой крестъ, ложачися и вставаючи, на лица своемъ, абы мне даль то видети, христианкою zostати; с хутью и з великою радостью того прагну Христову веру мети. Якожь на завтрии (л. 157 об.) в день Сошествия Святого духа з народомъ Божиимъ и много множество пановъ шляхты людей учтивыхъ, такъ мужей яко и женъ и детей, яко ярмарочного часу крещена была, у ваннѣ погруженна, и названо во святомъ крещеніи именемъ Елена. Того жъ дня matka ее Марьямка с крикомъ, с плачемъ, для Бога просечи, приходила тутъ же до крестилницы, падаючи просила, абы ее не крестившы пустили, обещаючи за то великий поклонъ и подарокъ дати. Якожь нѣкоторые мещане видели многое чарованье оное Марьямки, што она поганскими чарами египетскими дочце своей чинила: яко была везена до ихъ милостей князей до Буйничъ, оная Марьямка, улезши у лазню студеную, голову открывши, волосы распустивши, печку розметала, чаровные поганские слова говорила, проклинала, обема руками назадъ кивала, ноги свои везала, иного много зла поганства творила, проклинала, абы жива не была. Тотъ рокъ 99 былъ велми урожайный, добрый, здоровый, погодный, на всемъ добрый. Жито куповано четверть по грошей петнацать, а мера по 40 гр., овса четверть по 4 гроши, мера овса гр. 16, жито, гречиха, овесъ, пшеница—на то на все велми былъ урожай добрый.

(Л. 158) Року 1600. Того року была зима люта и снежная. Благовещеніе было на святой недели в (пя)токъ. Почали орати по святе на четвертой недели. Того жъ року, месеца апреля у понеделокъ на святого Мартина папы римського, взявши з науки от Лавренѣтя заразъ дано до науки латинския, до пана Максима Герасимовича Смотрицкого.

Листъ от пана некоторого з рокошу выписаный о новинахъ рокошовыхъ.

Новины в. м. ознаймую, которые ми в тую пришлую среду, праве вседаючому на роскошь с Подляша мене дошли. Препись з листу словъ власныхъ до мене писаного в. м. выписую. Нещасливые новыны моему милостивому пану ознаймую, же наши битву з рокошаны прогнали, што королевской милости пришло людей тридцать тысячей чужоземского на помочъ. Который надею великую маючи а до того рады злое услухавши, легце себе важечи пановъ рокошанъ, которыхъ не было болшь над пят тисечей, хотевъ ихъ смерти, але они плацъ отрымали. Хотя з obu сторонъ не мало пало, але еднакъ стороны нашей чужеземского люду немцовъ не мало пало. То уже битва была по выезде моемъ с Подвыслицы, зачымъ тутъ наши Мазурове и Подляшане и иншихъ воеводствъ (л. 158 об.) бегуть зараземъ за ознайменьемъ от тамътоль от пановъ депутатовъ, якъ на квалтъ, яко перепис универсалу тые новины от понеделка 8 дня октября на выезде моимъ тые новины принесены ¹⁾.

Року 1600. Панове волынские, панове литовские, также козаки Запорозкие, змовившия и знявшия вси вкупе, Волохи отгамовали, войска Могилево побили, армату отняли; воевода Мултянский втекъ из Мигалем, трохи не поймали, и много за нимъ гонили (л. 162) ажъ до границы Мултянское. Троха ся было успокоило. За то была дана козакомъ лежа у Кieve, гетманомъ былъ Самуель Кошка; лежала у Гоми, в Речицы, в Рогачове, у Баркулабове на пристанство ажъ у ждали (sic). Року 1600, месеца августа 8 дня с понеделка на второкъ, панъ Левъ Сапега, канцлеръ великого князства Литовского, староста могилевский, албо тежъ за росказаньемъ его милости слуги его милости панъ Голубицкий, врядникъ Печерский, Янъ Рожновский Требухи до замку Могилевского привернули, а тое имене было от веговъ на манастыръ Печерский Святыя Богородицы надано от княжатъ Буйницкихъ по самую речку Дубровню,—то все Буйницкий кгрунтъ былъ.

Року 1600. Того року было Благовещеніе на святой недели у второкъ.

¹⁾ Далѣ слѣдуетъ два документа: 1) Универсалъ рокошовый 1606 г. отъ 25 сент. и 2) „Року 1606. Ассекурація то есть вольность“.

Року 1600, месеца септевріа 18, в че(тверто)къ пань Янь Варшавский, также его милость пань Левь Сапега, канцлерь литовский, староста могилевский, на Москву до царя восточнаго князя Василя Годунова послами ходили, и з ними князять пановъ задныхъ множество и мешкали на Москве недель 20 Тамо ж приняли примире на годь 20.

Того жь року 1600, октов. 7 дня, Гермогенъ, владыка полоцкий, если за грехъ свой, албо з Божаго допущена, первой того хоревъ у Полоцку, потомъ у месте Виленскомъ (л. 162 об.) лекарство поживаль, тамъ же едучи з Вилни въ дорозе (въ) Сморгонехъ тамъ же смертию ганебною животь свой скончалъ, смерть претерпевъ; яко былъ на пастьрство дирею взлезъ, также в дири, в дорозе, зле животь скончалъ. Того жь року у самую у восень не по обычаю месеца септеврия 17 дня у волторокъ отъ западу силный великий громъ былъ в насъ и по всимъ сторонамъ велми силно гримель, также и блискане молони было; а в ночи морозъ и вѣтеръ былъ, а тое было прознаменование— напредъ будешъ читати рок Христа 602, 603: великие болести, хоробы, такъ же войны великіе, голодь, неврожай силный; было поветрие албо моръ на людей перехожихъ, множество на низ идучихъ; около тысець 4000 з голоду мужей и женъ детей пошло, такъ ижъ страшно было видети, ижъ на улицахъ по дорогахъ, по гумнахъ, у ровехъ псы мертвыхъ многихъ тела ели.

Року 1601 великая война была у Вифлянтехъ с королемъ Шведскимъ за Жикгимонта Третего. Того жь року Запорозкие козаки у Швеции были, да ничого не помогли, толко великую шкodu господарю вчинили, бо место славное место богатое Витебскъ звоевали, мещанъ побили, панны поплюгавили, скарбы побрали, (л. 163) многое множество людей порубали, незличеные скарбы побрали.

Того жь року 1601, по волости Могилевской гайдуковъ до Вафлянтъ выбранцовъ выбирали.

Того жь року 1601, за господаря кроля Жикгимонта Третего, за митрополита Потей отщепенца, за вселенского патриарха Киръ Рафаила, постановлено на владычество Гедиона, а первой звано его Миколаемъ; и тотъ отщепенець. Того жь року 601, месеца августа пятого дня, преставилсѧ священникъ Юревский отецъ Тимофѣй Алексѣевичъ, а справоваль ерейства своего годь 4. Парафея его была полместа: село Билевичи, Ходутичи, Липовка, Панковичи, Новоселки, Тризнина слобода, село Лежнево, Богданова слобода.

Року 1601. Тотъ былъ неуставичный: то естъ почали жито на хлебъ жати голодные люди предъ Усѣкновениемъ главы святого Іоана Предтечи, а въ копы почали жито жати на святого Симеона Столпника; и то было зерня велми мякко. А дожали жита передъ Покровомъ за 2 недели; бо дождь уставичне шел недель 12. Яр почала высыпаватися о святомъ Петрѣ, а по святомъ Покровѣ за две недели почали яръ жати; и то было зелено. А потомъ после святого Симеона Столпника ок. 4 дня снегъ (л. 163 об.) великій выпалъ; прето што было пашни, ярицы, овса, пшеницы, ечень, горохъ, бобъ, то все снегомъ напало, и великую яри шкodu учинило. Згола было всему не добро, якъ збожю, также и людемъ; а предсе цена збожю средняя была. Якожь и знакъ тому упадку збожю: в року 600 было зле, громъ гримевъ у восень по Воздвиженію Честного Креста.

Того жъ року 601 были у Швеции козаки запорозкие люду четыре тисечи, над нимъ былъ гетманомъ Самуель Кошка. Тамъ же того Самуила убито, а поховано у Києве. Нижли тамъ у Швеции козаки запорозкие ничего доброго не вчинили ани гетманови и пану королю жадного ратунку не дали, толко з Швеции утекли, а тутъ на Руси Полоцку великую шкodu чинили, а место славное и великое Витебскъ звоевали, злата сребра множество побрали, мещанъ учтивыхъ порубали, и такъ шкodu содомію чинили горше злыхъ неприятелей, албо злыхъ татаръ.

Того жъ року 1601, месеца октября десятого дня, цѣлую неделю снегъ сильный и квалтовный ишоль, выпалъ до полголені; также и буря сильная была. Тогда пшеницы, ярицы, овесь, гречиху, горохи и вси овощи, великое множество ярицы на поляхъ непожатые, также и копы жатые снегомъ (л. 164) позаметала метелица, иж было жалосно и страшно гледети и выповедити уздыханя и плачу людей убогихъ, пашниковъ немаетныхъ. А такъ лежалъ тотъ снегъ 2 недели ажъ до Дмитровы субботы; якожь з великихъ морозовъ река Днепръ былъ замерзъ, и ездили по немъ яко середъ зимы. А потомъ за ласкою Всемилоствитого Господа Бога для плачу и великого уздыханя снегъ росталъ и река Днепръ расплынулся. А потомъ почали жати—горовати по снегу у стужу. Были тежь морозы великие, огнѣ клали, сами грелися, ижъ страшно и жалосно было гледѣти: три—два челоуеки на ден ледво сноповъ 40 нажнуть овса албо ярицы, бо велми к земли прилегло. Люди убогие, якъ на весне жали—горевали, але

уже толко для статку, а того много статками на весне сами господаи свое збоже травили; маки, горохи, бобы, проса, репа—то все згола погинуло. А которые молотили ярь, зерня толко знакъ, а коли змелеть, спечеть,—то у печи испечется, а з лопаты у печь не зложит; с печи аж ополоникомъ выберет. Также и жито велми было не умолотно; а коли муку житную у хлебе спекуть, то тесто печеное солодко, а за скорину хотя ложки клади, а в печи не печется. У восень роли (л. 164 об.) и жито сеяли которые старымъ житомъ, то предсе ни во што, а которые житомъ новымъ сеяли, тые ни жали. Якожь две доле тыхъ людей было которыхъ орали и не сеяны были. На лето куповали жито четверть по грошей 35, яры по гр. 40, пшеницу куповали четверть 40 грош., овесь по гр. 40, конопель четверть 20 грош., горохъ четверть 20 гр. А тотъ гневъ Божий был и непогода, почавши от Менска до Полоцка к Витебску, до Орши, до Мстиславля, до Пронойска, до Рогачова, Могилава, Любошаны. Потомъ у Речицы, в Лоеве, в Кieve ажъ на Волын добрый врожай былъ. А такъ потомъ много множества людей убогихъ зъ голоду на низъ з жонами и детками и зъ семею, што ижь страшно было не толко видети, але трудно было и выписати, то ест з верхъ з волости Шкловское, з Друцка, з Дубровны, з Круглы, з Бобря, з Витебска, с-под Полоцка, с-под Менска и з иншихъ многихъ украинъ. Того жъ року была зима злая, снеги великие и силные были морозы. Многимъ людемъ поморозило кому ногу, кому пальцы, другому видъ, уши, носъ, а другие з морозу померли. А коли вже была весна в року 1602, тотъ находъ людей множество почали мерти; по пятеру, по тридцати (л. 165) у яму (хоронили). Хворыхъ, голодныхъ, пухлыхъ многое множество,—страхъ видети гневу Божого. А такъ при великихъ местохъ человека по одному у яму ховали, священники проводили. Тамъ же которые ишли на низъ, тые вси тамъ померли, мало се zostало. А такъ мерли одны при местахъ, на влицахъ, по дорогахъ, по лесахъ, на пустыни, при роспутияхъ, по пустыхъ избахъ, по гумнахъ померли. Отець сына, сынъ отца, matka детки, детки матку, мужъ жену, жена мужа, покинувши детки свои, розно по местахъ, по селахъ розышлися, одинъ другого покидали, не ведаючи одинъ о другомъ,—мало не вси померли. А коли тотъ находъ у воротъ, албо в дому у кого стоячи хлеба просили, отец з сыномъ, сынъ с отцомъ, matka з дочкою, дочка з маткою, братъ з братомъ, сестра з сестрою, мужъ з жоною, тыми словы мовили силне, слезне, горко, мовили такъ: „Матухно, зезулюхно, утухно, панюшко, спода-

рия, солнце, месяц, звездухо, дай крошку хлеба!“ Тутже подле воротъ будетъ стояти зраня до обеда и до полудня, такъ то просячи; тамъ же другой подъ плотомъ и умреть.

Того жъ року куповали жита чверть 40 грош., пшеницы чверть 50 грош., овса чверть грош. 38, гречихи чверть грош. 40, гороху чверть грош. 40, конопель чверть 50 грош., капусты ведро кислое 3 грош. (л. 165 об.) ушатовъ капусты кислое 24 гр., ячмень чверть грош. 70.

А коли варива просили, тые слова мовили: „Сподарыня, перепелочко, зорухно, зернегко, солнушко, дай ложечку дитяку варивца сырого!“

Того жъ року 602 з ласки Божей весна почалася добре, нижли до святого Юря ледво шtos жито посееное почало з земли являтися, а другое усходити, и то потросе; почали орати на Страстной недели, а нѣкоторые до свята потросе маку, пшеницы посеяли.

Того жъ року на Страстной недели во среду громъ заgrimель велми грозный з дождемъ и з бурею немалою. А то былъ знакъ недобрый и праве злый, бо на десятой недели того жъ року 602, в четвертокъ великий, страшный былъ морозъ: што было цветовъ, то все поморозиль. Правда початокъ былъ грозный, а остатокъ плачливый: што было огородныхъ речей—капуста, ботвинье, цибуля, маки, горохи, ячмень, ярица, то все морозъ побиль, чого з великимъ плачемъ было видети—тыхъ людей голодныхъ, которые толко огороды были засеяли, а жита не починали. У восень цена всему збobjю была такова, якъ в року выш описанъ.

Того жъ року 602, у восен жито посееное велми было урѣнилося (уродилися). З ласки Божей осень была погодлива и вдячно глядѣти,— было велми зелено. Также севба (л. 166) позная добра была. Того жъ року 602, веснѣ и летѣ на люди были з Божого допущеня хоробы великие, горячки, бегунки; по местахъ, по селахъ много малыхъ детокъ померло.

Того жъ року 602 за кроля Жижимонта Третего, за митрополита Потя отщепенца, за владыку полоцкого Гедсона, за светейшаго патриархи Кирь-Гедсона, месеца сентебря 7 днв со олторка на среду о полночи, канопь Рожства Святыя Богородицы, славный панъ христьянский панъ побожный церкви Божой миловникъ князь Богданъ Соломерецкий, во святомъ крещении называемый Алимпей, его мл. староста крычовский и олущицкий, на старостве своемъ во граде Крычове переставился в добромъ сумненю и памети; а погребено при славной памети пану отцы Ива-

не в Соломеричахъ в церкви святого Покрова. Того жъ року князь Иванъ Соломерецкий у Высоцку переставилься.

Року Божого нароженя 1603 были козаки Запорозкие—неякий гетманъ на имя Иванъ Куцковичъ. При немъ было люду козацкого яко 4 тысячи; брали приставство з волости Боркулабовской и Шупенской, то ест грошей копъ 50, жита меръ пятьсотъ, яловиць полтораста, кабановъ 50, саль свиныхъ 100, меду пресного пудовъ 60, масла пудовъ десять, (л. 166 об.) куровъ пятьсотъ, сена возъ триста.

Того жъ року 603, в месте Могилеве Иванъ Куцка издалъ з себе гетманство козацкое для того, ижъ у войску великое свововоленство: што хто хочеть, то броть. На тотъ же часъ былъ выездый от его крол. милости и от пановъ и радъ, напоминаль, грозиль козакомъ, ижъ бо они никоторого квалту в месте, по селахъ не чинили. Перед того жъ выездного от его крол. милости приносиль одинъ мещанинъ на рукахъ своихъ дѣвчину у шести летехъ змордованую, зквалчоную, ледвей живую, чого было горко, плачливе, страшно гледети. На тое вси люди плакали, Богу Сотворителю молилися, абы таковыхъ своевольниковъ вечно выгладити рачиль.

Потомъ по Иване Куцку былъ гетманомъ Иванъ Косый. Тые козаки брали приставства у Полоцку, у Витебску, на Орши, у Вомстиславлю, у Крычове, у Могилеве, у Головчине, у Чечерску, у Гомли, у Любечу, у Речицы, у Быхове, у Рогачове и по всихъ местахъ. А на Волыню, на Подолу, у Кieve тамъ на тотъ часъ жолнери лежали, которые з Волохъ виехали, яко десять тысяць; в тыхъ всихъ краехъ приставство брали.

Также у Менску и по всей Литве тамъ жолнери татарове, (л. 167) которые выехали з Шведей, по тыхъ местахъ приставство брали. Якожъ в тыхъ рокахъ 600, 601, 602 великие силные были незрощаи, также голоды, поветрее, хоробы, бо в летехъ тыхъ бывали лѣтомъ великие морозы, силные грады. У Могилеве жита четверть куповали по грошей 40, ямень грош. 50, пшеницу гр. 50. А около Головчина, Полоцка и Витебска куповали жита четверть по грош. 60, ечменю четверть по грошей 70, пшеница четверть по грошей 70. Такъ же гречихи, конопель знаку не было,—все морозъ побиль. Тогды всего того насеня в Кieve, на Волыню куповали, и то потросе; ледве можный огородъ засеяль, а на поли по лядахъ, по нагнояхъ ни от не бываль, albo редкий сеяль, бо насеня ярнаго каждый мало

мель. А колы козаки запорозкие назад на низъ отсоля выездчали, тепер же великую сильную шкodu по селахъ по местахъ чинили: жонки, девки и хлопята з собою много брали. Такъ же коней много з собою побрали. Одинъ козакъ будетъ мети коней 8, 10, 12, а хлопята трое, четверо, жонки albo девки две albo три.

Того жъ року 603, народъ Божий знизу до домовъ своихъ назадъ пошоль—великое множество мужей, жонъ, детей, но еще болши тыхъ было, которые на низу померли. Року 603, весна велми была студена, морозлива (л. 167 об.) ажъ до недели Фомины; того року былъ святой Юрей во великую субботу. А предсе з ласки Божое на весне у восен жито на поли зелено было, якожь с тою зеленью и зацвило на 7 недели по святе, а никако жъ пожовкло. Почали яръ сеяти до великодня, а досевали яри на 7 недели; хто сеялъ на третей недели, тые загорели, а хто сеялъ яръ на 7 недели, того яр добра была. Житу добрый урожай былъ и вмолотистый чисто. Жито почали люди голодныя до Ильи, а дожинали въ копу за тыждень по Или. Тотъ рокъ 603 велми былъ сухой, жаркий; якъ былъ дождь о Дусе Святомъ, потомъ о десятой пятницы, а потомъ на святого Илию. Того року напаль снегъ месеца ноембра 5 молодика и оттоле стала зима за две недели до запусъ Филиповыхъ. А потомъ морозъ, снегъ, метелица великая была от Юря святого ажъ до Крещения; по Крещению святомъ колко недель великая неуставичность; такъ было: если настанеть месьць молодой, то снегъ, дождь, буря, метелица, морозы, гололедица, ковзота, студень, ижъ трудно было выповедати; потомъ недели третей в постъ великий у ввторокъ в нocy былъ дождь сильный, ажъ снегъ согнало и весна стала.

Того жъ року 603, в месте Виленскомъ, в Менску, у Радошковицахъ (л. 168), на Орши, у Шклове и по иншихъ многихъ замкахъ было поветрее великое в постъ Филиповъ; а в которыхъ замкахъ поветрее не было, в тыхъ местахъ по дорогахъ, по улицахъ стражь великую: день и ночь мевали ажъ до Рожства Христова; а предсе Господь Богъ тыхъ в целости здравыхъ заховаль. А потомъ з ласки Божое было во всимъ странамъ здорово. Тепер же з ласки Божое урожай на все добрый былъ; жита мера копа гр., ярицы мера копа гр., овса мера грошей 50, гречихи мера грош. 60. А за таковое милосердие и великую его ласку честь и хвалу Господу Богу воздавали, пили и ели. А которые померли, тыхъ упоминали, плакали, жалова-

ли и наметку творили за тыхъ душъ и за грехи ихъ Господа Бога просили, абы Господь Богъ не поменулъ греховъ ихъ. Теперь же радость великая была, ижъ мужъ жену в далекихъ странахъ знашолъ, отецъ сына, matka дети, дети матку, приятель приятеля, ближний ближнего своего; а где который умеръ, от тыхъ одинъ одному поведаль, где похованъ.

Року 1604, на Василя святаго, то ест новаго лета была зима велми добра, погодлива до великого посту, а потомъ на пятой недели великого посту снеги, дожди великие были, ажь Днепръ ростекся (л. 168 об.), а снегъ согнало. Предсе весна непогодная была,—тогда жито у цвету морозъ побилъ; также огурки у цвету морозъ побилъ, якожь на тотъ часъ у господарстве мало хто бы ся мель огурками похвалити, хотя жъ ихъ гораздо и добре кукобили; ягодъ, яблокъ, иныхъ овощей мало ся zostало для великихъ дождовъ, морозовъ, градовъ, толко грибовъ—абабковъ в лѣте велми много было зродило, ижъ кождый человекъ по двакротъ у грибы на день ходилъ. Так же за великими дождями около великихъ рекъ травъ ни троха сена некосили. Вода вешняя стояла по святомъ Петре тыждень; а коли почала вода вешняя спадыват, якобы три дни было. Потомъ болшая вода дождевая нашла; и так поведали, яко бы серед лѣта на Москве снегъ великий и морозъ былъ колко недель на санехъ в лѣте ездили. В насъ на низкихъ мѣстахъ у вогородахъ капуста, цыбули, яри згола потопило; и стояла вода мал не до Или святаго. Зима была велми суха, людемъ купецкимъ велми шкодила, бо снегъ малъ былъ. Жита, гречихи, пшеницы, овесь, ечень, горохъ в той цене былъ, яко в року 603, бо тотъ рокъ вари мало было; толко грибы, ледники, опенки ели, а рыбъ вялыхъ мало было для великихъ поводковъ (л. 169). На люди з ласки Божее было здорово.

Року 1605, весна з ласки Божей была добра, снегъ заразомъ согнало; жито на зиму сеяное, як было зелено у восень, также было зелено и на веснѣ, с тою зеленостю и зацвило. Предсе житу сухость была велми зашкодила, дождю мало бывало; у цвету яко у жите такъ и яръ морозъ, сухость зашкодила. Двой были усходы. Гречихи добрый урожай былъ и пленна была. Того року укуповали жита четверть 8 грош., овса четверть грошей 4, пшеницы четверть гр. 16, конопель четверт гр. 6, маку небыло ни троха, ни цыбули, чесноку; и того было велми малый урожай.

Того жъ року 605, у Баркулабове за Лахвою у волоки порезано черезъ урядника пана Федора Плетинского.

Того жъ року 605 якийся знашоль у краю Низовомъ, а звлаща у дворе князей Вышневецкихъ якийсь Дмитръ Ивановичъ Царевичъ; якожь бывши при дворе ихъ милости пановъ радныхъ и собравши войско немалое люду низовского и козаковъ запорозкихъ, такъ же люду руского множество, с тымъ людомъ поехавши, Стародубъ, городъ Московский, узялъ, лысты по всей Москве разослалъ, поведаячи себе быти (л. 169 об.) царя Дмитра Ивановича Московского, которого еще малого яко бы мель Годунъ стратити, нижли страшно и до царя Годуно принесено, але не оного Дмитра Ивановича, в него место малое дитятко, а его дивне было сховано и на Украину Низовскую было вывезено. Якожь о того Дмитра Ивановича животе и мешканю, о бытности его, обычаехъ и поступкахъ и мешканю его дивне и плачливе и трудно было выписали, якожь история о немъ есть написана по достатку у другихъ летописцахъ. Якожь не по маломъ часе оный Дмитръ Ивановичъ з людомъ взявши градъ Стародубъ и Москву осель, а Годуна с царства своего Московского согналъ, и не ведати где ся Годунъ поделъ. Якожь Дмитра Ивановича познавши его Москва по давныхъ знакахъ царскихъ, былъ коронованъ царемъ вместо отца своего Ивана, царя Московскаго на Москве. А хотяжь и короновали его, предсе не мели со собою доброе и зуполное згоды; одна Москва примовала его за царя, а другая не примовала; тутъ же промежи ними была сильная и великая незгода и посварокъ и велми о немъ шлось дивне радили, хитре, мудре, скрыте, молчкымъ радили, о чомъ напередъ услышите.

Року Божого нарож. 1606. Тотъ рокъ з ласки Божей былъ здоровъ, на всемъ добрый, нижли рокъ мокрый; жито, яри плохи были, а предсе цена была яко въ року 1605 описано; предные поводки были частые; сеновъ мало было статку. З ласки Божей было здорово, также на люди.

Того жъ року 1606 Дмитръ Ивановичъ, будучи ему коронованому царемъ на Москве, не порадившись, ани пытавшись сыновъ боярскихъ, по своей ему воли, по своей мысли, пославъ и змовивши панну зацную за себе у пана (проп.) воеводы сондомирского в Полци; якожь оные пелсы, змовивши панну, привезли на Москву и самого пана сондомирского воеводу, такъже з намъ много множество добрыхъ, зацныхъ пановъ и паней и панянокъ зацныхъ шляхетныхъ. Якожь того жъ року 606 (6), было веселье на Москве и было при томъ веселю Литвы, Руси и поляковъ, волянцовъ, поведали

яко семь тысящей избранцовъ, коштомъ великимъ выбранныхъ, в злате и серебре, в жемчугу, у каменью дорогомъ, ижь того умъ человеческий сказати не возможетъ. Якожь потомъ веселю за колко дней, албо недель Москва вся, забравшисе и змовившися межи собою, в ночи безъ вѣсти безпечне, грозно вдарили на палаць самого царя (л. 170 об.) Дмитра Ивановича и на вес почеть его, такъ Литву, Русь и поляки и на пана Сондомирского. В тотъ часъ побито отъ Москвы много множество почту царя Дмитра Ивановича, люду зацного, люду служалого рыцарскаго, пановъ зацныхъ шляхетныхъ, также зацныхъ паней, панянокъ; тымъ всимъ великое насильство, посмеване, што ихъ злый умысель мыслиль, то чинили; плачливе и страшно было слышати о таковой злой пригоде тыхъ людей учтивыхъ, а самого царя Дмитра не ведати где ся онъ поделъ. Одны поведали,—убить, а другие поведали,—живъ утекъ, о томъ ниhto на тотъ часъ певное ведомости не мель, а самого пана Сондомирского не згубили и з дочкою его до вязеня посадили. А которыхъ на тотъ часъ пановъ не побили, тыхъ множество люду служалого, яко убогихъ, такъ и богатыхъ полупивши, шаты добрые з нихъ собравши, брони поотнимавши, нагихъ, босыхъ за границу выгнавши, попускали. А то за великие прикрости литовские и насмеванье полское сталося имъ, ижь былъ збудоваль царь Дмитръ ку воли жоне своей на Москве костель полский и мниши служили службу Божую, а з русскихъ церквей великое насмеванье чинили, (л. 171) поповъ московскихъ уруговали, з нихъ ся насмевали,—мели то себе за великую кривду и великое зелживости своей, не хотячи у царстве своемъ, абы была вера ляховитинская; бо в нихъ того от вековъ не бывало, ани хотели того во царстве своемъ мети. Прето ихъ побили, помордовали и с царства своего Московского прочъ выгнали, а себе на царство царемъ помазали Шуйского. Потомъ того жъ року 605 (6), господарь король полский Жикгимонтъ Третий послал гонца своего о томъ до Москвы пана Яна Кгенсевского; и того тамже на Москве посадили, и седель тотъ гонецъ много.

Того жъ року 606, месеца июня 5. Почался починати якийсь рокошь. Тамъ же на тотъ рокошь зьеждчались панове русские, прусские, жомойтские, мазовецкие, подляские, вольнцы, литва, поляки, згола от всихъ земель и поветовъ панове велможные, панове зацные, всякихъ веръ, всякихъ языковъ. И стояль тотъ рокошь у Сондомиру месяцевъ шесть. Яко жъ тамъ тотъ край выгубивши, выпаливши,

опустошивши от Покровицы две миле, и не учинивши и не постановивши ничего доброго у восень о святой Покрове розехалисье проч. Тотъ рокъ 606 з ласки Божей добрый былъ, толко на фребру много было хворыхъ, а збожю была цена (л. 171 об.): жита мера по гр. 24, овса мера гр. 14, гречихи мера гр. 20, ечменю мера гр. 20. Той же рокъ 605 (6) велми дивный былъ, а то в томъ, ижъ вода все лета такъ была велика, яко праве веспе, не толко летомъ, но и о запустехъ Филиповыхъ: разъ упадетъ, потомъ прибудеть, из береговъ выливалось; прето сена велми мало косили.

Року 1607. Тотъ рокъ з ласки Божей былъ здоровъ на люди, также и врожай збожу середний былъ, также и цена збожу была: жита четверть гр. 8, пшеница четверть грошей 6, ечень гр. 6, овса четверть грош. 5, гречихи четверть гр. 4. Нижли того реку 607 великая была незгода и замешане кролю с панами, паномъ с кролемъ, з рокошанами, великий бунтъ, забите, кровопролите; отъ господаря кроля на дома насылане; шляхте шкоду великую починене. Велми страшно было слышати, албо тымъ, где се то деяло, видети. Якожъ и конституция были выдали релии греческой; а потомъ за великою (незгодою) и дивными справами разорвалося. На томъ такъ не постановилося, толко великое забийство, мордерство, кровопролитство поделали рокошаномъ; якожъ о таковомъ постановеню рокошанскомъ тутъ же в томъ року 606 есть вышей описанъ.

В томъ же року 607 было великое на християне (л. 172) и немилостивое жолнерство, лупежство; по местахъ, по селахъ жолнери берестейские, жолнере кроденские тые по волости королевской капцизну брали, а на панскихъ и княжескихъ приставство на подданныхъ вытегали. Къ тому зась особливе жолнеры Лисовского, жолнеры Кроденского тые по подданныхъ королевскихъ и князскихъ, панскихъ, шляхецкихъ великое и немилостивое приставство, албо стацию по волостяхъ брали, яко збожемъ, также и пенезьми.

Того жъ року 607, месеца мая после семое суботы, ишоль со Шклова и з Могилева на Попову гору якыйсь Дмитръ Ивановичъ; менилъ себе быти онымъ царемъ московскимъ, который первой того Москву взялъ, и тамъ же оженився. Бо тотъ Дмитръ Нагий былъ напервей у попа шкловского именовъ (*проп.*), дети грамоте училь, школу держаль; а потомъ до Могилева пришоль, также у священника Федора Сосиновича Николского у селе дети училь. А самъ оный Дмитръ Нагий мелъ господу у Могилеве у Терешка, который проску-

ры заведаль при церкви святого Николы. И прихожуваль до того Терешка часъ не малый, каждому забегаячи, послугуючи; а мель на себе оденъе плохое, кожухъ плохий, шлыкъ баряный, в лете в томъ ходилъ. А коли были почали познавати онаго (л. 172 об.) Дмитра Нагого, в тотъ часъ з Могилева на село Онисковича Сидоровича ажъ до Пропойска увышоль. Тамъ же у Пропойску были его поймали, во везеню седель. А потомъ панъ Рагоза, врядникъ чечерский, за ведомостю пана своего его милости Зеновича, старосту чечерскаго, онаго Дмитра Нагого на Попову Гору, то ест за границу Московскую пустиль, со слугами своими его пропроводилъ. А коли приехалъ до Москвы, то ест Поповы Горы, тамъ же его Москва по знакахъ царскихъ и по писаныхъ листахъ, которые онъ, утекаячи з Москвы по замкахъ написавши, давалъ,—черезъ тые уси знаки его познали, ижъ онъ естъ правдовый певный царь восточный Дмитръ Ивановичъ, праведное солнце. Тутъ же почали радоватися, в шаты, убюры коштовные одѣли; потомъ конного люду семьсотъ до него прибегло. Тутъ же почаль лысты писати до Могилева, до Орши, до Мстиславля, Крычева, до Менска и до всихъ украинныхъ замковъ, абы люде рыцерские, люде охотные до онаго Дмитра Нагого прибывали, гроши брали его. И заразомъ с Поповы Горы оный Дмитръ Нагий, сей мнимый царь московский, осель замокъ московский Стародубъ. Тепер же почался людь гулящий, людь свовольный—скоро Дмитро, то и молодцы. Якийсь наймитъ з Мстиславля до него пришоль. На тотъ часъ (л. 173) на Москве царемъ князь Андрей Шуйский. Тогда собравшы войско Дмитрашъ, и почаль войну творити з Москвою и с княземъ Шуйскимъ, нижли одны Москвичи признавали его царемъ быти и самая Москва и вси болшие бояре московские,—и инья многая Москва, которая первей его добре знала быти паремъ московскимъ: ино дей якийсь воръ московский, а другие поведили быти и называли его такъ—плуть. И такъ до онаго Дмитра Нагого Москва писала быти его такимъ—царь воръ, Гриша Отреничь, рострыга. Потомъ зас явился другой царь на Москве именовъ Недведокъ. Тотъ Недведокъ зъ людомъ немалымъ самъ передался на Москву царю Андрею Шуйскому. Тепер же почали войска до царя Дмитрия прибывати, войска великие, войска силные. Отсея з Литвы, Руцкий з ротою, Лисовский, Велемовский, Сапега и иныхъ много, а внизу роты великие: князь Вышневецкий з ротою, князь Ружинский з ротою; тамъ же волынскихъ, подолскихъ задных пановъ з рота-

мы, а с Полци панъ Стадницкий з ротами великими. Тамъ же на Москве в тотъ часъ Богъ ведаеть, што ся тамъ деяло: места, замки малые выплендровали, але под столицею все лето стояли, много штурмовъ утратили,—недостали. Тамъ же купцы шли многие з горелками, и тые великую шкodu Москве делали,—хотя купцы, и тые жолнерами (л. 173 об.) себе поведали быти; якожь оные жолнере и вси купцы, которые тамъ на Москве были, чудно и велми дивно о цари Дмитре поведаютъ: якость дивне у войску справует, ижъ дей у ночи не спить, толко убравъшися во платье леда каковое то (*пропускъ нѣсколькихъ строкъ*).

Року 1608. Летомъ великие и сильные войска ишли на Москву до царя Дмитра, а намъ в томъ краю сильную великую шкodu починили у слатку, а наболшей у коняхъ. Тые то ишли жолнери имена ихъ описано в року 607.

Того жъ року 608 разгневане Божее было, много псовъ устеклыхъ попсовалоса, коней, людей много покусали и померли. Того жъ року 608 патриарха вселенский Киръ Рафаиль переставился. Того жъ року на местце его былъ посвященъ вселенскимъ патриархомъ именемъ Киръ Неовата.

Того жъ року 608 лето было мокрое, поводки были частые (л. 174), мало хто при рекахъ великихъ сена косиль, бо и до восени поводки великие были. Того жъ року 608 много детокъ малыхъ з воспы померло ¹⁾.

Король Владиславъ ишоль подъ Смоленскъ въ року 1633. Шеинъ на тотъ часъ з войскомъ великимъ под Смоленскомъ былъ и кролю Владиславу поклонился и дель его, што Смоленскъ добывалъ, королю Владиславу досталися меновите, напервей: Однорожець сожний три и болей—1, Кгранать сажний чтыри—2, Гладки сажней три—3, Кречеть сажний три—4, Волкъ сажний три—5, Царь-пушка сажний три и болей—6, Коваль сажни три—7, Юрей сажни три—8, Пасынокъ сажни два и болей—9.

При тыхъ и иныхъ дель малыхъ припрыважено з Смоленска, числомъ всихъ (*пропущено*).

¹⁾ Здѣсь заганчивается Баркулабовская хроника; далѣ слѣдуетъ позднѣйшая приписка, тоже не оконченная.

ДОПОЛНЕНІЕ.

На лл. 14 об.—16 об. рукописи находится описание собора въ Берестѣ, который, очевидно, относится къ 1590 г. и составляетъ часть летописи. Помѣщаемъ здѣсь эту вставку.

На день святого Іоанна рожства, в понеделок. Вбежалъ отецъ нитрополить в место Берестко. Службы тогда при немъ было архимандритовъ, то ест именовъ з намостыра Супресля, на имя отецъ Исаия Великая Борода, з Бытенино монастыря пана Тризны игумень Паисей, дияконъ Игнатей, а архидияконъ Калисть, архимандрить лавреповский Гедионъ Бролиницкий, архимандрить городенский, архидияконъ Осафъ, господина нитрополита дворный Григорей Иванович, протопопа Нестерь з Городна, иныхъ много множество—архимандритовъ, игуменовъ, протопопъ, поповъ. Того же дня было читано козана от владыки володимерского Патея о ржествѣ Иоанове душеполезно. По казаню зошлися. Того дня митрополить былъ на обеде во отца Патея. Во второкъ службы божии не было, толко поведаль казане тоеж владыко володимерский Патея о пастырехъ: аз есмь пастыр добрый, душу свою полагаю за овца, — видит волка градуще и прочие. Тогож дня владыко луцкий приехалъ со братие своею.

Тогож дня на томъ же козаню, коли пыталъ владыка володимерский тужъ всехъ стоящихъ во церкви, мовячи: ели добре ест читано, албо зле? Весь соборъ рекъ: добре. Тутже стоячи поджъ (sic—тое?) слово рекъ владыце володимерскому на оча некто Валериянь Палисветъ, иж дей, отче владыко, ты читаеш зле, то ест противу себе читаешъ. В тотъ часъ и тогож дня было во церкви вели-

кое забурене и замешане, аж Полисве(та) тако вонъ с церкви вести. Того же дня по обеде козали Велирияна поставити средь номостыра пред собою вес себоръ и пытали его тыми словы: Што ты за потребу мелъ мовити до мене во церкви? Мов ты со мною тепер очивисто пред всеми. Тогда Валериян, принявши благословенство от всего збору, рекъ: Ото чесный светый архиепископе и твоя светыне, насъ добре учишь, а самъ зле чинишь, малыхъ робять неразумныхъ у попы ставиш, а от нихъ по осми копъ береш. В тотъ час былъ посредь монастыря великое замешане и посваракъ, аж Валерияна, бивши и мардовавши, во багаделню в ланцугъ казали посадити.

Во среду скоро по взатрени козали звонити на зборъ. Собравшимся светымъ отцемъ во церковь, напервей отчинили царские врата, запалили свечи, поставили налож на онбоне, положили евангелие разгорненное. Митрополить селъ на особливомъ месте, владыки на особно, архимандрити на особливомъ месте, также архидияконы, протопопы, игумены, священницы, братства на особливомъ месте, также панове, бо ихъ мало было. Слышали, иж римяне будут. Напервей рекли: Амин! Потомъ рекъ архидияконъ велегласно: Встанте, встанте, встанте! падши ниць, молитву, молитву мовити о пришествию Святого Духа на соборъ сей и на люди сия! По сем пытали владыки всехъ, мовячи, на штося тутъ собрали, албо зъехалися. Тутъ еслибы были иноверцы, тутъ же бы почали о вере гадатися. По опыте онемъ, иж се не было с кимъ годатися, туж показывали кривды свои, кому от кого дееть се. Потомъ подавали листы и жалобы братства на владыку лвовского Болобана. Потомъ, тутже во церкви стоячи, даль жалобу отецъ владыка володимерский Ипатей на владыку лвовского Болобана, иж дей позвовъ от нитрополита посланныхъ не принялъ и попа посланнаго до него казалъ збивши втопити. По семъ Львовяне и Виленско братство право свое братское туж покладали, яко они братство моцне мают и где школы братские мают мети. Потомъ листы от многихъ пановъ до нитрополита и до всехъ владыкъ писаныхъ подавали, так жалобныхъ. Потомъ былъ вечеръ, хлеба ести разошлися.

Во четвертокъ тую справу справовали: которые листы на кого показывали, на которой бы мели вырокъ отдати и ихъ проклятию поручити.

В пятокъ вырокъ выдал(и), иж маем в недѣлю прокляти владыку лвовского, также архимандрита и поповъ его. Того ж дня поданъ былъ листь отъ архыбискупа Станислава з Незна, абы мы сами

також и вы соборовъ жадныхъ не чинили без битности его корол. милости. В тотъ часъ было забуреня и плачь всемъ великий

В субботу постановлене творили -- церковное правило, яко се мают справовати во церквахъ, и со крестами за Муховець реку до монастыря вси отцы ходили, тамже было дивно зрети.

В недѣлю по службе Божей было выволане и проклинане владыки илвовского, также и архимандрита его, што страшно слышати и жалосно велми то поведати, яко се тамъ деяло. Тут же селячи отецъ Михайла митрополит показовал лист писанный от велможнаго княжати Соломерецкого через посланца его.

В понеделокъ духовное право было з великимъ жалем, иж маят ехати вес собор до его королевской милости о всехъ сиравахъ.

Второкъ [рокъ] розехалися з Берестя; митрополить ехаль до монастыря Супресля.

Баркулабовская лѣтопись.

Баркулабовская лѣтопись находится въ сборникѣ Синодальной Библиотекѣ подѣ № 790. Форматъ его—небольшая четверка, всѣхъ листовъ 174. Почерка два: до 70-хъ листовъ довольно тщательный западно-русскій почеркъ половины или даже конца XVI в. Почеркъ остальной рукописи тоже западно-русскій, производитъ впечатлѣніе болѣе поздняго—до половины XVII в. Нумерація новѣйшая. Содержаніе сборника разнообразно: на ряду съ замѣтками лѣтописнаго характера въ ней находится много вставочныхъ статей различнаго содержанія: описаніе Турецкой имперіи, коротенькая хроника о князьяхъ русскихъ, кончающаяся повѣстью рязанца Софронія, два извода Литовской лѣтописи и мн. др. статей.

Въ этомъ сборникѣ и находится т. н. Баркулабовская лѣтопись 1). Она начинается на 136 листѣ и продолжается до конца сборника. Къ ней мы прежде всего и обратимся. Лѣтописью немало пользовались историки, но характеръ ея и ея авторъ до сихъ поръ не выяснены. Она начинается весьма любопытнымъ описаніемъ Берестейскаго сейма 1544 г. (въ лѣтописи помѣченъ 1545 г.). Это описаніе сейма—наиболѣе подробное извѣстіе о той обстановкѣ, при которой собирались литовскіе сеймы.

1) Впервые лѣтопись напечатана Кулишемъ въ его „Матеріалахъ по исторіи Западной Руси“, затѣмъ напечатана болѣе исправно мною въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, а съ моего изданія перепечатана г. Романовымъ въ его сборникѣ матеріаловъ, вышедшемъ въ Могилевѣ на Днѣпрѣ.

Оказывается, что на западно-русскіе сеймы съѣзжались не только высшіе вранды и посольства отъ шляхты, но и много постороннихъ лицъ—„вся шляхта“ и иностранныя посольства. Эта обстановка сейма соотвѣтствуетъ тому, что мы знаемъ о польскихъ сеймахъ того времени, по дневникамъ которыхъ видно, что даже въ избѣ присутствовало много посторонней публики.

Съ разсказа о сеймѣ 1544 г. разсматриваемая лѣтопись все болѣе и болѣе суживаетъ районъ своихъ наблюдений, но за то извѣстія становятся подробнѣе. Такъ какъ лѣтопись написана въ мѣстности близъ Орши, то дальнѣйшій разсказъ ея главнымъ образомъ и касается Могилева, Орши и сосѣднихъ волостей. На л. 137 об. встрѣчаемъ записъ народнаго преданія о происхожденіи города Могилева: мѣсто Могилевъ засѣли прихожіе люди изъ Вохчича, Сухочъ, Княжичъ, Головщины и др. селъ и изъ Смоленска; Могилевъ „заробленъ“ на горѣ Могилѣ.

Отмѣчая это преданіе, нельзя не указать его живучесть въ народной средѣ: разные варьянты его можно и теперь услышать въ народѣ ¹⁾. Далѣе слѣдуютъ замѣтки объ основаніи Баркулабова, разсказъ о нападеніи Москвы на Могилевъ въ 1580 г. и пораженіе ея Чарторыйскимъ, о приступѣ войска пана Гудовскаго подъ Смоленскъ въ 1579 г. и нѣк. др. (л. 138—140).

Изъ извѣстій болѣе или менѣе общаго характера слѣдуетъ отмѣтить весьма интересное описаніе Берестейскаго синода 1596 г. Оно ведется отъ перваго лица (л. 146 об.—151 об.). На листѣ 153 об. разсказывается о нападеніи Наливайки на Могилевъ: онъ выжегъ здѣсь 560 домовъ и 400 лавокъ; битва Наливайки съ Литвою на Буйницкомъ полѣ описана весьма подробно. О казакахъ есть и еще кое-какія извѣстія: на л. 161 об. подъ 1600 г. разсказывается о дѣйствіяхъ казаковъ въ Швеціи, тоже на л. 163 об., л. 166, на л. 167, о гетманѣ Иванѣ Кунцовичѣ. На л. 158—161 об. приведено любопытное письмо какого-то неизвѣстнаго о Сендомирскомъ рокошѣ 1607 г. съ приведеніемъ универсаловъ. На л. 143 любопытное извѣстіе о Варшавскомъ сеймѣ 1587 г.: на немъ было убито во время ссоры 700 человекъ. Любопытными подробностями о появленіи втораго самозванца оканчивается лѣтопись.

¹⁾ Безъ—Корниловичъ, Историч. свѣдѣнія о примѣчат. мѣстахъ въ Бѣлороссіи. 1855, р. 152. Ср. Записки игумена Ореста, Археогр. Сборн., Вил., т. II.

Я отмѣтилъ выше тѣ извѣстія лѣтописи, которыя имѣютъ болѣе или менѣе общій интересъ. Но самая важная особенность памятника—мелкія мѣстныя замѣтки. Это лѣтопись будничной сельской жизни тѣхъ мѣстностей, которыя окружали Баркулабово и Оршу. Если я не ошибаюсь, до сихъ поръ мы не знаемъ такого памятника, который-бы такъ подробно, съ такой любовью къ окружающему и съ такимъ литературнымъ талантомъ описывалъ на протяженіи полустолѣтія радость и горе обыкновенной сѣренькой жизни села, не говоря уже о томъ, что мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ XVI в. Таково, напримѣръ, описаніе голодовокъ 1601—1603 годовъ. „Великіе болести, хоробы, также войны великіе, голодъ, неврожай сильный, было поветрее, албо моръ на людей переходжихъ, множество на низъ идучихъ,—около тысящъ 4 з голоду мужей и жонъ, детей пошло так, ижъ страшно было видети, ижъ на улицахъ, по дорогахъ, по гумнахъ, у ровехъ пси мертвыхъ многихъ тела ели. Рокъ 1601. Тотъ былъ неуставичный, то ест почали жито на хлебъ жати голодные люди предъ Усѣкновениемъ главы светого Іоанна Предтечи, а в копы почали жито жати на светого Симеона Столпника—и то были зерня велми мелко. А дожали жито передъ Покровомъ за 2 недели, бо дождъ уставичне шелъ недель 12; яр почала высыпатися о светомъ Петре а по светыи Покрове за две недели почали яръ жати и то было зелено“.

Особенно замѣчательно по бытовому колориту описаніе холодной осени 1601 года, когда во время полевыхъ работъ выпалъ снѣгъ и сталъ Днѣпръ. „Страшно и жалосно было гледѣти, рассказываетъ авторъ: три—два человека на день ледво сноповъ 40 нажнут овса, або ярицы, бо велми къ земли припали; люди убогіе яръ на весне жали,—горевали, але вже толко для статку, а того много статками на весне сами господари свое сбоже травили: маки, горохи, бобы, проса, репа,—то все згола погинуло. А которые молотили яръ,—зерна толко знакъ; а коли змесит, спечет, то у печи испечется, а з лопаты у печ незложити, с печи аж ополоникомъ выбереть. Также и жито было велми не умолотно. А коли муку житную у хлеба спекут, то тесто печеное солодко, а за скоринку хотя ложки клади, а в печи непечется“.

Въ результатъ начался голодъ и масса населенія двинулась въ южное Поднѣпровье. Отъ скопленія голодныхъ людей, переходившихъ въ 1602 г. на низъ, получилась картина ужасная. Пере-

хожіе люди голодали, просили хлѣба: „А коли тот народъ у ворот, албо в дому у кого стоячи хлеба просили, отецъ з сыномъ, сынъ с отцемъ, матки з дочкою, дочки з маткою, брат з братомъ, сестра с сестрою, муж з женою,—тыми словы мовили, силне слезне, горко мовили так: „Матулько, зезюлько, утухно, панюшко, сподариня, слонце, місяць, звездухно, дай крошку хлеба. Тут же поле ворот будет стояти зраня до обѣда и до полудня. такто просячи, тамже другій под плотом и умрет“... „А коли варива просили, тые словы мовили: „Сподариня, перепелочко, зорухно, зернетко, солнушко! дай ложку дитятку варивця сырого“.

Указанное мѣсто настолько опредѣленно характеризуетъ отношеніе лѣтописца къ окружающей народной средѣ, что намъ незначѣмъ на немъ подробно останавливаться. Можно лишь подчеркнуть, что лѣтопись написана человекомъ, не только знающимъ народную среду, но и любящимъ народъ. Въ литературномъ отношеніи какъ это мѣсто, такъ и многія другія любопытны въ томъ отношеніи, что авторъ, не стѣсняясь формами и лексикономъ тогдашняго книжнаго языка, весьма удачно и смѣло обращается къ языку народному. Вслѣдствіе этого описанія его отличаются живостью, картинностью. И въ предложенномъ отрывкѣ можно найти массу отдѣльныхъ реченій и стилистическихъ оборотовъ, свойственныхъ живому бѣлорусскому нарѣчію.

Этотъ рассказъ очевидца имѣетъ еще и другой интересъ. Рассказъ наглядно рисуеъ намъ тѣ условія, при которыхъ заселялась южно-русская Украина. Достаточно было какого-нибудь народнаго несчастія, въ особенности голода, чтобы населеніе отдаленныхъ областей цѣлыми массами двинулось на югъ искать счастья. Но не всѣ тамъ осаживались: надежда на лучшія времена влекла часть выходцевъ на давно насиженные мѣста. Съ другой стороны, если цѣлыя тысячи крестьянъ могли свободно оставлять свои деревни и уходить на югъ, то очевидно, еще на переломѣ XVI и XVII в. было немало переходяго крестьянства. Этотъ рассказъ свидѣтельствуетъ, наконецъ, о сравнительной подвижности западно-русскаго крестьянства.

Можно извлечь изъ разбираемаго памятника еще одинъ рядъ извѣстій, которыхъ тщетно было-бы искать въ другихъ источникахъ. Авторъ сообщаетъ цѣлый рядъ извѣстій о цѣнахъ на хлѣбъ за 20 лѣтъ подрядъ съ отмѣтками объ урожаѣ. Для исторіи хлѣб-

ной торговли, для исторіи цѣнъ—это единственный по своей компактности матеріалъ. Я не опредѣлилъ еще могилевской мѣры, цѣны которой передаетъ лѣтопись, но само по себѣ колебаніе цѣнъ въ одной мѣстности уже представляетъ интересъ.

Ниже я привожу въ одной общей таблицѣ извлеченныя мною изъ лѣтописи данныя о хлѣбныхъ цѣнахъ съ отмѣтками объ урожаѣ (табл. на слѣд. стр.).

Независимо отъ относительной цѣнности хлѣбныхъ продуктовъ, выше приведенная табличка наглядно показываетъ, какимъ случаямъ было подвержено сельское хозяйство, а вмѣстѣ съ нимъ и земледѣльческій классъ населенія. Въ теченіи какихъ-нибудь 20 лѣтъ цѣна на рожь, напр., подымается отъ 3½ гр. за четверть до 60 гр., т. е. въ 17½ разъ, цѣны на ячмень и пшеницу колеблются между 6 гр. и 70 гр. за ту же четверть и т. д.

Охарактеризовавъ лѣтопись, перейдемъ къ вопросу о ея авторѣ.

Вопросъ рѣшается довольно удовлетворительно. Среди лѣтописныхъ извѣстій обращаютъ на себя вниманіе тѣ, которые говорятъ о священникѣ Федорѣ Филипповичѣ. Онъ получилъ приходъ въ селѣ Вендорожѣ въ 1586 году какъ только здѣсь была сооружена церковь княземъ Богданомъ Соломерецкимъ. Федоръ Филипповичъ названъ при этомъ „могилевцемъ“, а отецъ его Алексѣй Гавриловичъ „мстиславцемъ“ (л. 138 об.): послѣднее, указываетъ на происхожденіе Филипповичей, а первое—на пребываніе Федора Филипповича въ Могилевѣ, можетъ быть уже въ санѣ священника, потому что новая церковь отдана „попу“ Федору. Повидимому, упоминаемый позже священникъ Георгіевской церкви Тимофей Алексѣевичъ (л. 153) можетъ быть братомъ Федора. Впослѣдствіе Федоръ вездѣ называется Баркулабовскимъ священникомъ; слѣдовательно изъ села Вендорожа онъ перешелъ въ Баркулабово, гдѣ былъ замокъ князей Соломерецкихъ.

Священникъ Федоръ Филипповичъ пользовался почетомъ: онъ, съ благословенія владыки, посвящаетъ церкви въ имѣніяхъ Соломерецкихъ (л. 153, 143 об.); князь Богданъ Соломерецкій въ 1592 году посылалъ его на церковный соборъ въ Берестье (л. 143). Этотъ Баркулабовскій священникъ былъ духовникомъ князей Соломерецкихъ (л. 156).

Есть рядъ указаній, позволяющихъ видѣть въ священникѣ Федорѣ и автора лѣтописи. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ лѣтописи находился

Годъ.	Жито.		Овесь.		Ярица.		Пшеница.		Ячмень.		Гречиха.		Конопля, четверть.	Горохъ, четверть.	Ведро капусты.	Характеристика урожая въ лѣ- тописи.	
	Мѣра.	Чверть.	Мѣра.	Чверть.	Мѣра.	Чверть.	Мѣра.	Чверть.	Мѣра.	Чверть.	Мѣра.	Чверть.					
1584	14гр.	3½ гр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Хорошій урожай. Цѣны „таней“ обыкновеннаго годъ урожайный. Не особенно хоро- шій годъ: воды много, умолотъ средній Голодный „На всемъ доб- рый“, ур. очень хорошій. Страшн. голодъ, цѣны лѣтнія. Тоже.	
1592	20гр.	5 гр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
1595	—	12гр.	—	5 гр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
1599	108гр.	1 та- лерь.	16гр.	4гр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
1600 ¹⁾	40гр.	15 гр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
1601	—	35гр.	—	40гр.	—	40гр.	—	40гр.	—	—	—	—	20гр.	20гр.	—		
1602	—	40гр.	—	38гр.	—	—	—	50гр.	—	70гр.	—	40гр.	50гр.	40гр.	3 гр.		
	—	60гр.	—	—	—	—	—	70гр.	—	70гр.	—	—	—	—	—		
1603 {	60гр.	—	60гр.	—	50гр.	—	—	—	—	—	60гр.	—	—	—	—		Очень хорошій.
1604 {																	
1605	—	8гр.	—	4гр.	—	—	—	16гр.	—	—	—	—	6 гр.	—	—		Порядочный.
1606	24гр.	—	14гр.	—	—	—	—	—	20гр.	—	20гр.	—	—	—	—		Хорошій годъ.
1607	—	8гр.	—	5гр.	—	—	—	6 гр.	—	6 гр.	—	5 гр.	—	—	—	Средній урожай.	

¹⁾ Въ рукописи помѣщенъ 1599 г.,—очевидно, описка

въ столь близкихъ отношеніяхъ къ дому Соломерецкихъ, которымъ тогда принадлежало Баркулабово, въ какихъ можно себѣ представить придворнаго панскаго священника. Въ самомъ дѣлѣ, въ лѣтописи мы не только встрѣчаемъ извѣстія о крупныхъ событіяхъ, въ которыхъ принимали участіе Соломерецкіе, какъ разсказъ о военныхъ дѣйствіяхъ Богдана Соломерецкаго (л. 140), но и мелкія свѣдѣнія о чисто семейной жизни князя. На л. 144 об. отмѣченъ день рожденія сына у кн. Евдокіи Соломерецкой. На томъ же листѣ замѣтка о покупкѣ кн. Богданомъ Соломерецкимъ у разныхъ владѣльцевъ сель Буйничъ и Чайки и о помѣрѣ ихъ на волоки въ 1592 г. На л. 156 замѣтка о томъ, что кн. Исакій Соломерецкій, сынъ Богдана, началъ учиться русской грамотѣ, и нѣкот. др. Однимъ словомъ, лицо писавшее разсматриваемую лѣтопись, весьма близко стояло къ дому князей Соломерецкихъ.

Авторъ лѣтописи знаетъ время кончины членовъ дома Соломерецкихъ, вообще сообщаетъ рядъ подробностей объ ихъ семейной жизни. Но наиболѣе вѣскими показаніями служатъ два разсказа лѣтописи. Разсказъ о кончинѣ княгини Полоніи Соломерецкой описанъ съ такими подробностями, какія только и могъ сообщить духовникъ, на рукахъ котораго скончалась княгиня (л. 153 об.). Разсказъ о крещеніи еврейки Стирки Баркулабовскимъ попомъ Федоромъ описанъ такъ, какъ могъ быть записанъ этотъ фактъ лицомъ, ведшимъ переговоры съ желавшей креститься и съ ея родителями. И такъ лицо, дѣйствовавшее во всѣхъ подобныхъ случаяхъ и является авторомъ лѣтописи.

И такъ въ авторствѣ священника Федора Филипповича сомнѣваться нельзя.

Теперь надо выяснитъ вопросъ о томъ, когда была написана лѣтопись. Послѣднія извѣстія въ ней относятся къ 1608 году, первая—къ 1544-му; но это послѣднее обстоятельство, запись о сеймѣ 1544 года, не имѣетъ значенія для вопроса о началѣ лѣтописи, такъ какъ разсказъ о сеймѣ и слѣдующія статьи о Баркулабовѣ и Могилевѣ носятъ вводный характеръ. Характеръ лѣтописи сочиненіе пріобрѣтаетъ съ 1570 года. Но замѣтки съ 1570 года по 1592 годъ имѣютъ рядъ особенностей сравнительно съ позднѣйшимъ разсказомъ. Эти первыя замѣтки—сухи, кратки, яркость и образность изложенія, столь присущія концу девяностыхъ и дальнѣйшимъ годамъ, въ нихъ отсутствуютъ. Авторъ путаетъ хронологическія даты:

смерть епископа Полоцкаго Варсонофія отнесена къ 1570 году (л. 138 об.), а онъ умеръ въ 1576 году (Сапуновъ, Витебская Старица, т. V); авторъ по два раза записываетъ одно и то же извѣстіе (напримѣръ объ избраніи Сигизмунда III); говоря о болѣе раннихъ событіяхъ, по случаю воспоминаетъ послѣдовавшія гораздо позже, напримѣръ, объ уніи онъ уже упоминаетъ подъ 1588 годомъ (л. 143 об.), о введеніи новаго календаря встрѣчается случайное упоминаніе подъ 1576 годомъ (л. 138 об.). Среди записей 1592 г. вставлено описаніе Берестейскаго Собора 1596 года; но уже послѣ 1592 года записи идутъ въ строгой хронологической послѣдовательности.

И такъ составитель лѣтописи приступилъ къ своей работѣ послѣ 1592 года, но не позже 1595—1596 г.г., судя по характеру, послѣдовательности записей и живости описаній.

Этотъ фактъ имѣетъ важное значеніе въ связи съ вопросомъ о составленіи всего сборника. Въ сборникѣ есть еще два отдѣльных произведенія: въ самомъ началѣ сборника на листахъ 14 об.—16 об. помѣшено описаніе Берестейскаго собора 1594 года, на которомъ былъ преданъ анафемѣ Гедeonъ Балабанъ; въ срединѣ лѣтописи, среди записей 1592 года находится описаніе Берестейскаго собора 1596 года. Послѣднее описаніе извѣстно и въ отдѣльныхъ спискахъ, современныхъ эпохѣ (А. З. Р., томъ IV). Оба описанія составлены участникомъ соборовъ. Конечно анонимный составитель сборника могъ всѣ эти произведенія, лѣтопись и оба соборныя описанія, соединить въ своемъ сборникѣ. Но стиль обоихъ описаній Берестейскаго собора имѣетъ поразительное сходство со стилемъ лѣтописи. Кромѣ того самъ лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ посылаемъ княземъ Богданомъ Соломерецкимъ на соборъ 1590 года. Вполнѣ естественно, что тотъ же священникъ Федоръ Филипповичъ могъ быть и на соборѣ 1594 года. Князь Богданъ Соломерецкій, проявлявшій большое усердіе къ православію, начавши слѣдить за Берестейскими соборами съ 1590 года, могъ сохранить свой интересъ и къ соборамъ послѣдующихъ годовъ.

Но особенно характернымъ является одно мѣсто въ описаніи собора 1594 года. Послѣ произнесенія анафемы Балабану, рассказчикъ передаетъ, что митрополитъ Михаилъ Рагоза тутъ же въ соборѣ показывалъ присутствовавшимъ посланіе къ нему князя Соломерецкаго, присланное чрезъ спеціальнаго посланца: „тутъ же

сѣдячи отецъ Михайло митрополитъ показоваль листь, писаный отъ велможного княжати Соломерецкого черезъ посланца его“. И такъ посланецъ князя Богдана былъ на соборѣ, но кто могъ интересоваться этой мелкой подробностью? Митрополитъ конечно получилъ на соборѣ не одно письмо. Эту подробность естественно могъ записать самъ посланецъ князя Соломерецкаго, для котораго эта подробность имѣла большой интересъ, и такимъ посланцомъ только и могъ быть довѣренный духовникъ князя священникъ Федоръ Филипповичъ.

И такъ, едва ли можетъ быть сомнѣнiе въ томъ, что Федоръ Филипповичъ былъ на соборѣ и составилъ его описанiе, занесенное въ сборникъ.

Гораздо меньше указанiй на его же авторство соборнаго описанiя 1596 года. Но и въ послѣднемъ есть характерное мѣсто. Когда оппозицiя православiя выяснилась, за авторомъ описанiя („до мене“) присылаетъ панъ подскарбiй и начинаетъ его склонять къ уни; тотъ отказывается. Тогда подскарбiй ему сказалъ: „ваша милость не смеешь воеводы Смоленского.—И на то заплатилъ (говорить авторъ описанiя), же не отъ его милости приехалъ, але самъ отъ себе“. Воеводой Смоленскимъ (номинальнымъ) былъ въ то время Янъ Адамовичъ (по Вольфу),—лицо мало извѣстное, но судя по имени полякъ. Такъ, авторъ соборнаго описанiя 1596 года былъ изъ мѣстности, которая лежала въ Смоленскомъ воеводствѣ, что какъ разъ подходитъ къ староству Оршанскому, гдѣ былъ Баркулабовъ. Составитель описанiя отвѣтилъ подскарбiю, что онъ прiѣхалъ на соборъ „самъ отъ себе“. Такъ какъ король былъ явно на сторонѣ уни, то Федоръ Филипповичъ могъ изъ чисто дипломатическихъ соображенiй не назвать своего патрона князя Богдана, пославшаго его на соборъ. Можетъ быть и въ семьѣ Соломерецкихъ произошло охлажденiе къ православию, что такъ часто тогда случалось въ семьяхъ вельможной аристократiи. На такое охлажденiе есть нѣкоторые намеки въ лѣтописи. Въ 1594 году умерла на рукахъ своего духовника княгиня Полонья Соломерецкая, можетъ быть наиболѣе ревностно поддержавшая въ семьѣ православию. Въ 1597 году сынъ Соломерецкихъ, девятилѣтнiй князь Богданъ, началъ еще учиться грамотѣ славянской и греческой, но черезъ три года онъ уже отданъ былъ въ латинскую науку. Такимъ образомъ, можетъ быть дѣйствительно на этотъ разъ священникъ Федоръ уже самостоя-

тельно отправился на соборъ. Замѣтимъ еще, что въ спискахъ Эктезиса имени Федора Филипповича не находится; но это не служить объясненіемъ его отсутствія потому, что по заявленію автора Эктезиса сверхъ списка на соборѣ было еще болѣе 200 священниковъ. Замѣтимъ еще, что существованіе отдѣльныхъ списковъ соборнаго описанія 1596 года не можетъ служить опроверженіемъ мысли объ авторствѣ Филипповича.

Мы привели все то, что можно въ настоящее время сказать о предполагаемой принадлежности соборнаго описанія 1596 года Филипповичу. Но нельзя не признаться, что этотъ вопросъ еще является болѣе или менѣе спорнымъ.

Если теперь мы вспомнимъ время, съ какого Баркулабовская лѣтопись получаетъ характеръ послѣдовательной хроники, то поневолѣ напрашивается соображеніе: посѣщеніе соборовъ вызвало въ авторѣ желаніе записать событія, очевидцемъ которыхъ онъ былъ; оживленіе въ церковной жизни всей Западной Руси вызвало и въ священникѣ глухой провинціи стремленіе къ литературной дѣятельности, желаніе сохранить для потомства дѣла, очевидцемъ которыхъ онъ былъ.

Но возвращаясь съ соборовъ, авторъ попадалъ въ глухую провинцію съ ея мелкою повседневною жизнью. Кругозоръ его былъ сильно суженъ и онъ главное свое вниманіе посвящаетъ мѣстной жизни, внося однако все, что доходило до него по слухамъ изъ обще-литовскихъ и московскихъ событій.

Выяснивъ личность автора и соборныхъ описаній, можно добавить нѣсколько словъ для характеристики его міросозерцанія.

Напомнимъ, что онъ весьма интересуется событіями московской жизни,—пытается даже объединить эти событія. Въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть симпатій автора къ Москвѣ. Далѣе, Ф. Филипповичъ—усердный дѣятель на поприщѣ православія. Въ имѣніяхъ князей Соломерецкихъ воздвигнуто нѣсколько церквей и монастырей. При закладкѣ ихъ присутствуетъ Филипповичъ, очевидно благословляетъ закладку; онъ же освящаетъ церкви. Очень можетъ быть, что эта церковно-строительная дѣятельность князей Соломерецкихъ совершается надъ вліяніемъ ихъ духовника и навѣрное при его содѣйствіи.

Авторъ лѣтописи—вообще крѣпкій православный. Онъ нѣсколько разъ и весьма враждебно говоритъ о введеніи новаго ка-

лендаря. Его отношеніе къ католицизму и къ униі, поскольку оно выразилось въ его соборныхъ описаніяхъ, также характеризуетъ эту сторону міровоззрѣнія автора. Но Филипповичъ—не теологъ: онъ не касается богословскихъ вопросовъ, видимо для него не вполне ясныхъ. Мало того, провинціализмъ его сказывается даже въ непониманіи нѣкоторыхъ сторонъ тогдашняго религіознаго движенія. Для него неясна идея церковнаго братства („якоесь“ братство основано въ Вильнѣ), его приводятъ въ недоумѣніе братскіе крестные ходы: въ этомъ виденъ человекъ, наблюдающій жизнь въ глухой провинціи, далекой отъ городскихъ интересовъ.

Вотъ все, что можно сказать о лѣтописи и ея составителѣ.

Въ заключеніи, я считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какое мѣсто въ ряду историко-литературныхъ источниковъ занимаетъ нашъ памятникъ.

Въ настоящее время изслѣдователи дѣлятъ лѣтописаніе въ западно-русскихъ областяхъ на три большіе періода: древнѣйшій періодъ, оканчивающійся Волынскою лѣтописью, второй, который называется періодомъ собственно литовско-русскихъ лѣтописей (изводы лѣтописи великихъ князей литовскихъ и т. наз. Быховца) и, наконецъ, третій—лѣтописи малорусскія и казацкія, заканчивающіяся въ XVIII в. (Шараневичъ).

Такое дѣленіе требуетъ, думается мнѣ, поправки. Тѣ, кто его принимаетъ, упускаютъ изъ виду лѣтописаніе Сѣверо-Западнаго края, т. е. собственно бѣлорусское. Правда, бѣлорусскія или западно-русскія лѣтописи до послѣдняго времени намъ почти неизвѣстны. Но къ нимъ слѣдуетъ отнести сравнительно недавно появившуюся въ печати, въ изданіяхъ г.г. Антоновича и Сапунова, Витебскую лѣтопись Аверки, т. наз. лѣтопись Трубницкаго, хранящуюся въ И. Бубличной Библіотекѣ, кое-какія свѣдѣнія о которой проникали уже раньше въ печати; съ теченіемъ времени найдутся, конечно, и другія изводы западно-русскихъ лѣтописей. Къ только что названному разряду лѣтописей слѣдуетъ отнести и разсмотрѣнную нами лѣтопись Ѳедора Филипповича.

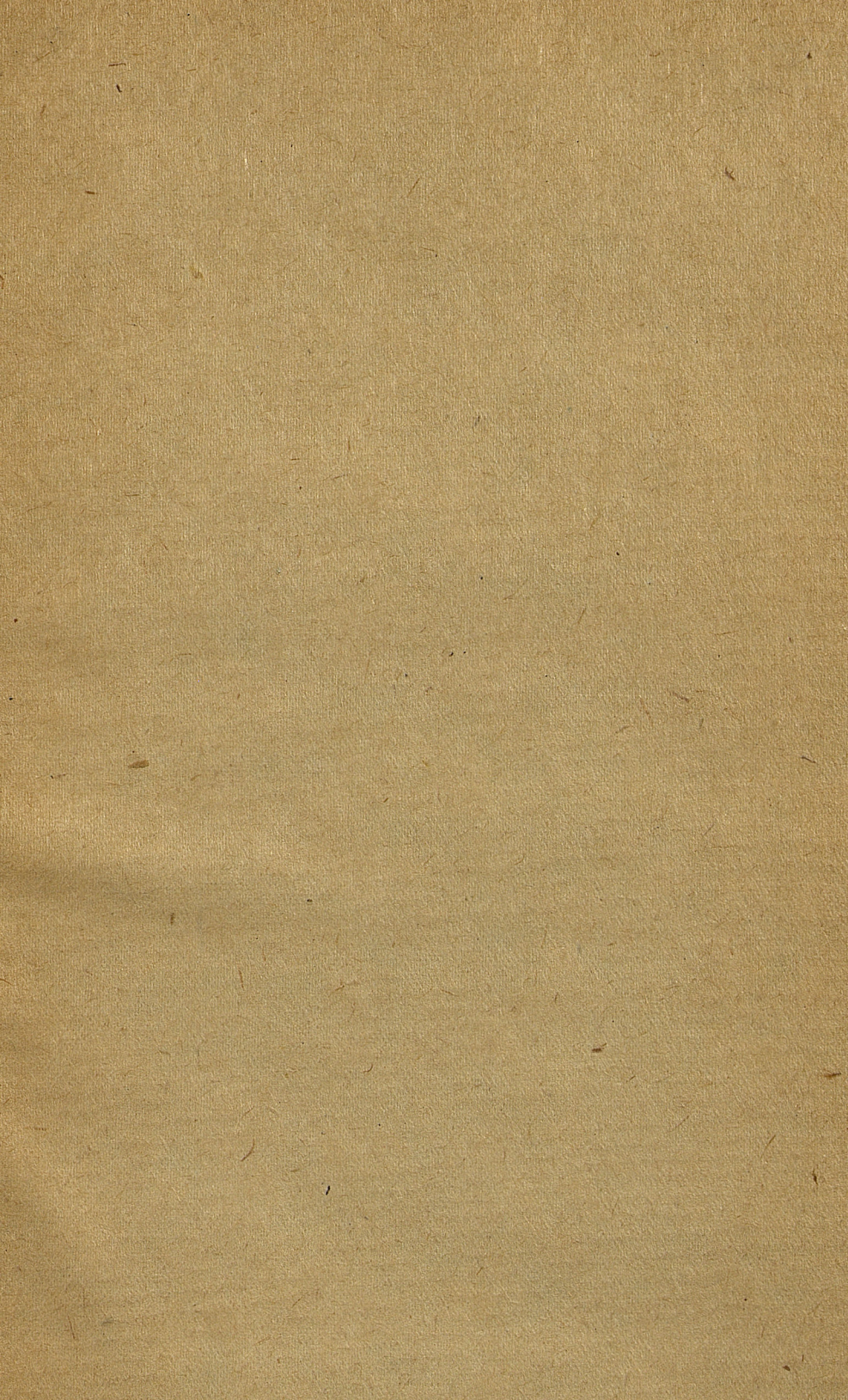
Западно-русскія лѣтописи, подобно малорусскимъ, лѣтописи—мѣстныя: какъ въ Витебской лѣтописи, такъ и въ изводахъ могилевскихъ преобладаютъ мѣстныя извѣстія и изъ общегосударственныхъ сообщается весьма немногое. Но есть и весьма любопытная особенность западно-русскихъ лѣтописей—лѣтописаніе въ Бѣло-

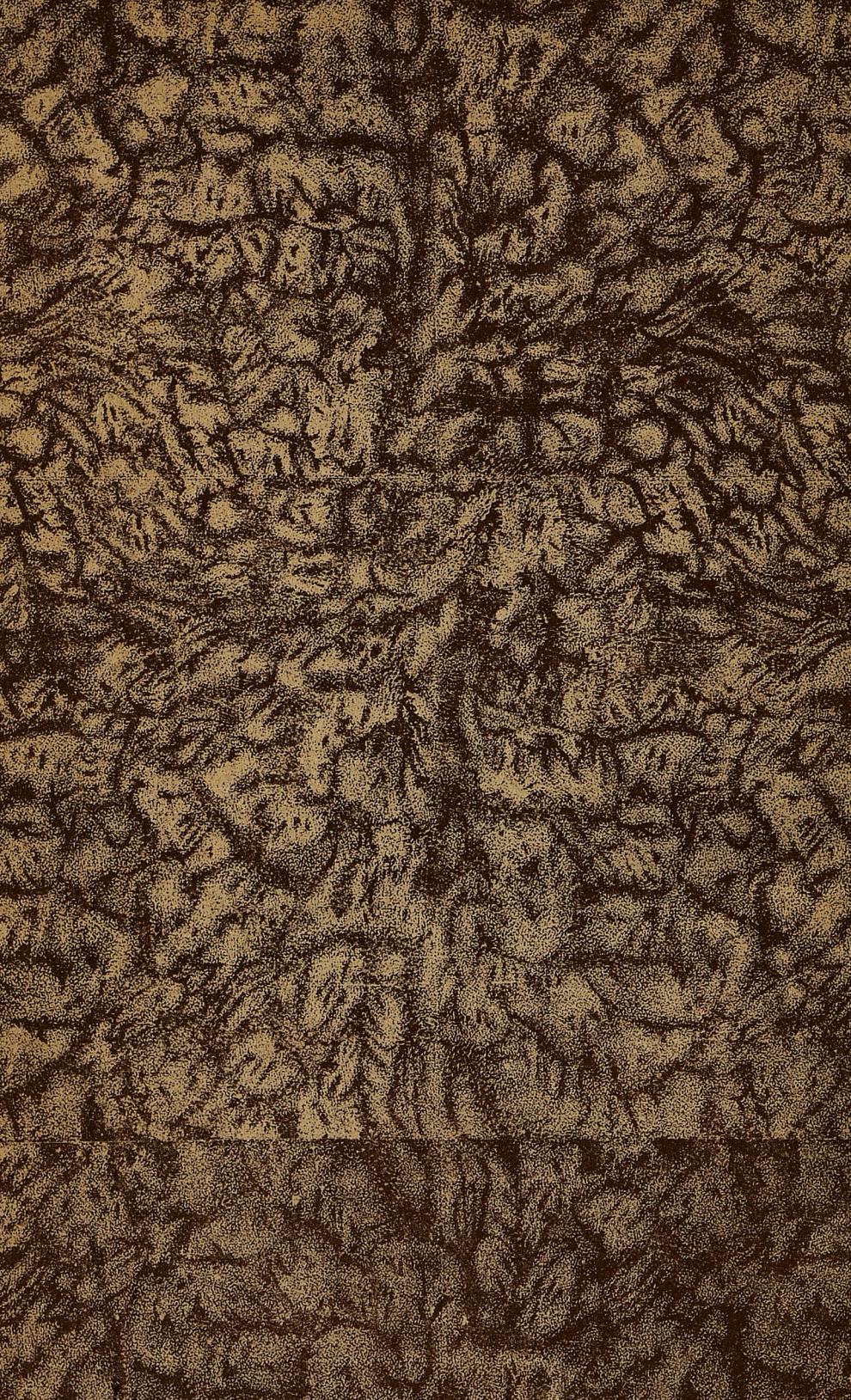
русіи продолжалось дольше, чѣмъ въ Малороссіи: тогда какъ въ послѣдней лѣтописаніе прекратилось въ XVIII в., въ Бѣлороссіи оно продолжалось до половины XIX столѣтія; такъ лѣтопись Трубницкаго прерывается на 1856 г. и есть запись даже 1864 года.

Выше была указана связь разсмотрѣнной лѣтописи Филипповича съ ея западно-русскими собратьями. Но если между послѣднимъ памятникомъ и лѣтописями Трубницкаго и Аверки существуетъ генетическая связь, то со стороны богатства содержанія, изложенія и древности наша лѣтопись представляетъ громадныя преимущества и заслуживаетъ самаго внимательнаго отношенія со стороны науки.

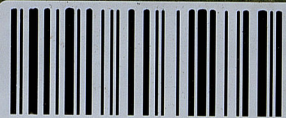
М. Довнаръ-Запольскій.

26750

2007337644